

Беседа
у камня

150

№ 14

Анастасия Нолкина

Содержание

От редакции	<u>2</u>
Биография: Аркадий и Борис Стругацкие	<u>7</u>
Наши друзья: Первый класс для писателей	<u>20</u>
Статья и интервью: Михаил Диденко	<u>40</u>

Тема «Надежда»

Валерия Новоженова	<u>3</u>
Александр Савостьянов	<u>5</u>
Алекс Вакулов	<u>15</u>
Алекс Беляев	<u>17</u>
Александра Сорокина	<u>28</u>

Рисунки

Анастасия Новикова	<u>Обложка</u> , <u>6</u> , <u>16</u>
Евгений Бем	<u>19</u> , <u>27</u> , <u>39</u>

Здравствуйте, дорогие читатели!

Перед Вами 14 номер электронной газеты «Беседы у камина». В него вошли тексты, объединённые общей темой — Надежда. Поэтому номер получился очень теплым и светлым, и, наверняка, подарит Вам массу положительных эмоций.

Кроме того, в номере Вы найдете рубрику «Наши друзья», в которую попали миниатюры, участвовавшие в двух последних конкурсах в группе «Первый класс для писателей». Темой первого конкурса стали диалоги, очень сложная тема для начинающих авторов, темой второго — описание боя.

Небезынтересной для многих станет статья о жизни и творчестве братьев Стругацких, с иллюстрациями, которые любезно предоставили художники, Ирина Реуцой и Екатерина Трошкова, а также фотографиями. В этом номере Вас ждет первая часть статьи, вторую Вы сможете прочитать в 15 номере газеты.

Стоит отметить и нашего нового художника, Анастасию Новикову, чей рисунок украшает обложку этого номера. Надеемся, что она и дальше будет радовать нас своими чудесными работами. Компанию Анастасии в этом номере составит уже знакомый нашим читателям Евгений Бем и его рисунки.

А еще Вас ждет интервью с начинающим писателем Михаилом Диденко и статья о его первой книге. До сих пор мы больше писали об известных людях, чаще всего, уже умерших. Однако интерес ведь представляют не только те, кто уже состоялся, но и те, кто только вступает на нелегкий путь писательства, творчества.

Ну вот, пожалуй и все, о чем хотелось рассказать во вступительной статье. Приятного Вам чтения..

Всегда Ваша, Редакция Бука!

Валерия Новоженова

Шкатулка

Вся жизнь умещается в одной шкатулке. Вся жизнь, можно перебирать, перекладывать с места на место, можно рассматривать — какие-то обрывки бумаг, старые фотографии, билеты в кино. Вся жизнь, спрятанная в небольшой шкатулке и поставленная в комод.

Вроде так много всего было, но сейчас... Пустота, тишина, лишь обрывки бумаг. Иногда, когда, нет сил дышать, я достаю эту коробочку. Зачем? Ради чего? Я не знаю. Может, хочу ощутить то далёкое и сейчас уже неведомое, или стараюсь разбередить старую рану.

Моя шкатулка. На самом дне маленькое самодельное колечко, сколько же мне было, когда его подарил Павлик? Года три-четыре. Вот и Павлика уже нет, умер три года назад, остановилось сердце. Павлик-Павлик... Сколько всего было, как давно это было, как недавно, всё, что осталось — маленькое проволочное колечко.

Билетик в кино, уже и не помню с кем ходила, главное, билетик сохранила, сейчас уже раритет. Вся жизнь раритет, как так случилось? Когда? Когда я из 20-летней хохотушки превратилась в 60-летнюю бабушку. Быстро всё промелькнуло. Не заметишь. Что было? Всего не упомянешь. Еще билетик, недавно с внуком в театр ходили. Интересный спектакль, актёры там знаменитые, вот и на билетике все напечатаны — Садальский, Давлатова. Казалось, совсем недавно ходили, а уже год прошёл.

Вся жизнь так. Быстро, кувырком, с горочки, на горочку, проскочила. Столько всего скопилось — фотография пожелтевшая, сколько здесь сыночку, полгода только, маленький, фотографа испугался, плакал, вот и на фотографии носик сморщил, а на всю жизнь память. На мою жизнь, на его жизнь, внуку покажу, ему нравится. Может, сохранит как память... о ком память? О бабке ли? Или о папке? А потом, что с ней потом будет? Кто будет ее хранить? Если не останется никого? А если не понадобится никому?

Значит потом и не вспомнят. Уйдем безмолвными, останемся, лишь земля хранит будет, в себя возьмет. Страшно, боязно, что там? Что дальше? Нет ответов, а вопросов, сколько вопросов скопилось. С каждым годом их всё больше, с каждым годом всё неразрешимее. Я же вроде не старая, а как в жизнь влиться не знаю. Вперёд рывок был, а про нас забыли. Оставили на обочине, и мы когда-то также жили. Деды в деревне, а мы в город рвёмся, я в городе родилась, к старикам не часто ездила, скучно у них было, а теперь и не знаю ничего про стариков своих...

А вот и бирочка из роддома, Юркина, внукова. Ладе отдать надо. Пусть невестка хранит.

Камень с моря. Первый раз с мужем ездили, в Сочи, оттуда и сына привезли, а камушки я в последний день собирала, все растерялись, а этот остался самый маленький. Кроме меня никому ненужный, похожи мы с ним. Пролетела жизнь.

А если подумать, если приглядеться, ведь не зря пролетела. Сына воспитали, такого сына, что любой позавидует. Дочку ждали, а сын родился, богатырь, папина гордость, мамина радость. Одни пятерки носил, в хоккей играл, а потом институт, Ладку привел, дочку нашу, дождалась с отцом спустя 20 лет. А радостей сколько было, радости в шкатулку не спрячешь, радости все в голове, в сердце хранятся, хранятся, душу греют, мелькают калейдоскопом, и улыбаться, жить хочется. А не зря жизнь прошла, да и не прошла еще, всё впереди, внук вырос, скоро женится, внучка в третий класс идет, красавицей растёт, муж рядом... и жить, жить хочется!

День, когда я стала мамой

Не забуду этот день, его просто невозможно забыть. Вроде обычный день, и, кажется, ничего не предвещало моего материнства, совсем ничего. Просто обычный серый осенний день. Один из тех дней, когда нет никакого желания выходить на улицу, есть только одно желание — спать. Именно в такой день я и стала мамой.

Каждое утро я прохожу мимо неприметного серого здания с казенным забором, здание находится в какой-то своеобразной спячке. Оно стояло словно отчужденное от всей этой мирской суматохи, и, казалось, ничто в этом мире не заставит его пробудиться. И чуть косоватая табличка на фасаде гласила: «Детский дом № 16». Для всех было загадкой, почему именно 16, ведь в городе он всего один. Один... тихий и безжизненный. Каждое утро к нему подъезжала

машина, из которой небритые помятые дядьки доставали картонные коробки. Дворник неспешно приводил двор в порядок, а заведующая вечно кого-то отчитывала по телефону — эту картину я наблюдала ежедневно, пока однажды не... проспала.

Да, я банально проспала на работу, я в спешке искала колготки и тюбик с новой губной помадой. Куда-то подевался мобильный телефон, а яичница намертво приклеилась к сковородке. Я пыталась собраться как можно скорее, как можно быстрее добежать до работы, но абсолютно всё валилось из рук. Я вышла из дома на полчаса позже обычного, торопливо перепрыгивая через ступеньки, летела навстречу своему, как оказалось, своему материнству. Пробегая мимо детского дома, я увидела его — своего сыночка.

Не было сомнений, что это именно мой ребенок, мой — вихры из под шапки, зеленые глаза, маленькие ручки... Мальчонка стоял, вцепившись в холодные прутья витиеватого забора. Кажется, именно тогда мир остановился. На меня смотрел мой ребенок, мой ребенок, который почему-то, по какому-то нелепому стечению обстоятельств оказался в детском доме.

В тот день я так и не пришла на работу, я пошла к заведующей, узнать условия усыновления. Мне почему-то было всё равно, что скажут родные и близкие, узнав, что я теперь мать. Всё ушло на второй план, а во всём мире остался только этот мальчишка с глазами-маслинами...

Беспородная

Я не знаю, что будет дальше, потому что в голове абсолютная путаница. Еще вчера всё было предельно просто и ясно, а сейчас пустота и только призрачное будущее. Я бы даже сказала, дымка от этого будущего. Что делать? Куда бежать? Как прокормить своих детей? Еще вчера всё было просто, сегодня сложно. Господи, какие же злые все эти люди, хотя нет, они не злые, они просто не видят, не замечают меня, нас таких много: пугливых, трясущихся, несчастных. Чем сегодня кормить детей? Боюсь, что на их тихий плач может кто-то откликнуться, если это добрый человек, то, конечно, пожалуйста, он им поможет. Но если злой? Что будет? Их убьют или сдадут куда-нибудь? Боюсь, всего боюсь, не могу оставлять их одних, но... если буду всегда с ними — мы умрем от голода, надо искать еду, искать, дети ждут. Всё, что удастся найти, хоть бы не отобрали, только бы не отобрали более злые и сильные, им всё равно, что я мать... могут убить. Почему всё так случилось? Почему мы оказались на улице? Из-за чего он разозлился? Андрей, почему ты это сделал? Нет, нет, не время вспоминать и восклицать, всё в прошлом, всё сделано. Одна, я одна, справлюсь, обязательно справлюсь. Всё смогу!

«Она всё металась от человека к человеку, в глазах мольба, уши чуть приподняты, беспородная, но в ней есть порода. Этот взгляд, молящий и в тоже время чуть надменный, как бы говорит, что ей нужна не милостыня, а помощь.»

— Юр, смотри, собака...

— Да, нам только собаки не хватает!

— Юр, она наверняка ценная, Юр!

Я испугалась, когда они подошли. От девушки пахнет приятно, чем-то родным, парень смотрит настороженно, боится, что укушу, или, что у меня блохи? Чего-то наверняка боится. Мне тоже страшно. Что им от меня надо?

А потом девушка сказала:

— Покажи где твои щенки?

Я тихо и предостерегающе зарычала:

— Не отдам их, уйдите, пошли прочь!

Парень отпрянул, схватил свою девушку. Попытался увести, она легко вырвалась, опять подошла ко мне:

— Мы не обидим их, мы тебя заберем, щенят тоже, у нас хорошо, нам нужна собака, много собак...

Я всё еще рычу, зачем им много собак?

— Тихо-тихо, мы не обидим, веди нас, — неужели это сказал её Юра, я думала, он не в восторге.

Я рискнула и привела их к своим детям, Слава Богу, живым, они ждали меня, тоненько поскуливая, маленькие мои. Я рискнула и не пожалела...

Александр Савостьянов

Картина Красная

Рябина красная стоит-печалится,
Спилили недруги дремучий лес.
И в каждой веточке сквозит отчаянье —
Несёт Русь-матушка тяжёлый крест.

На дно глубокое ужом не спрячешься,
А небо чёрное от воронья.
Рябина-ягода горчит, горячая,
Как недопетая любовь моя.

Мерцают в памяти огни купальные,
Бьют ветры шквальные. Звезда и смерть.
Тут впору взглядами объять прощальными
Всю необъятную земную твердь.

Боль — нитью красною. Стон — под полозьями.
Пора недобрую забыть молву.
Снега нарядными осыплю гроздьями
И в свете солнечном вновь оживу!

А в каждой яголке — исток трепещущий,
Пространства спутались и времена,
И песней нежною — любимой женщиной —
Минута вечности возрождена!

Приглашение в сказку

Дым по крыше заснеженной стелется,
Белокаменный дом замело.
Как медведи, сугробы все белые! —
Спать под сказочным плодом тепло.

Сон — рекою. Волшебную мельницу
Раскрутить на ветру суждено,
Взяв на дне сундука у Метелицы
В кровь испачканное веретено.

Дно колодца до дна не измерено,
В свете солнечном — заячий луг.
Дело делается, в чудо — верится,
Соловьиное царство вокруг!

Хлеб да соль! — Утомлённую белочкой
Счастье спит в теремочке своём.
С лунной яблони — яблоки спелые
Осыпаются сладким дождём.

Миновали осенние хлопоты.
В гости просится сам Дед Мороз
И Снегурочка, — сказочно добрая,
В хороводе мерцающих звёзд.

... Снег постелью заоблачной стелется,
За окном — новогодняя ночь.
Взбив перину небес для Метелицы,
Змей Горыныч уносится прочь!

Анастасия Голоумова

R. B. 08.09.10

Аркадий и Борис Стругацкие

Почти два месяца назад, 19 ноября, на 80 году жизни умер великий фантаст, Борис Натанович Стругацкий. Пресса и интернет писали тогда о том, что кончается целая эпоха, эра АБС, эра Братьев Стругацких.

Аркадий и Борис Стругацкие на протяжении нескольких десятилетий являлись самыми заметными и значимыми писателями-фантастами в нашей стране. Именно они являются самыми известными российскими фантастами за рубежом. Их книги переведены на 27 языков. Оставили свой след братья и в кинематографе. Выражается это не только в экранизации их книг, они писали в том числе и самостоятельные сценарии для фильмов. Стоит вспомнить и огромное количество переводов английской, американской и японской фантастики на русский язык.

Когда же началась эра АБС? Первое их произведение было выпущено в 1958 году, но разве это начало? Несомненно, отсчет стоит вести с 28 августа далекого 1925 года, когда Александра Ивановна, в девичестве Литвинчева, а к тому моменту уже жена Натана Стругацкого, родила своего первого ребенка, Аркадия. Произошло это в городе Батуми. В 27 году семья переехала в Ленинград, где спустя 8 лет, в 33 году, 15 апреля родился Борис.

Юность старшего и детство младшего из братьев приходятся на военные годы. Им обоим пришлось пережить блокаду Ленинграда. Аркадий, тогда еще подросток, первое время работал на строительстве укреплений. Тогда же довелось ему впервые стрелять, а, возможно, даже убивать. Натан Стругацкий был призван в истребительный отряд, после чего Аркадий трудился в гранатных мастерских. В конце 41 года Натана Стругацкого комиссовали по состоянию здоровья, и он вернулся работать в библиотеку. И чуть позже его, как библиотечного работника, эвакуировали из Ленинграда. На семейном совете было решено, что с отцом поедет старший из братьев, Аркадий.

Уехали они 28 января 1942 года. Для жены и матери, которая осталась в блокадном Ленинграде, это было самое тяжелое время. Долго, очень долго, от близких людей не было никаких вестей. А из Мелесекса, куда их должны были привезти, на запросы ответили лишь раз, написали что Натан Стругацкий туда не прибывал.

Эвакуированные доехали до Вологды, где Натан и скончался, а Аркадий Стругацкий попал в госпиталь. Оттуда он уехал в Чкалов, сейчас этот город называется Оренбург. А оттуда был отправлен в Ташлу, на работы в местный совхоз. Устроившись на новом месте, он неоднократно писал матери в Ленинград, и просил приехать к нему. До нее дошло только 2 письма из 5, Аркадий же так и не получил ни одного ее ответа. Теперь была его очередь переживать, не зная, живы ли мать и брат.

3 августа 1942 года Александра Ивановна вместе с младшим сыном наконец выезжают из блокадного Ленинграда. Они благополучно добрались сначала до Чкалова, потом в Ташлу, и там семья временно воссоединилась.

А в начале 43 года Аркадия Стругацкого призывают в армию, и отправляют учиться в Актюбинске, во временно дислоцированном там Бердичевском пехотном училище. Александра Ивановна не видела смысла оставаться в Ташле без Аркадия и, раздобыв поддельную справку о болезни, переправилась вместе с Борисом в Москву, где у нее было много родственников. Произошло это в октябре 1943.

А весной в Актюбинск приезжает комиссия из Москвы, члены комиссии предлагают курсантам, многие из которых не знали даже алфавита, написать диктант. Согласилось всего человек 10. Аркадий Стругацкий тогда удивил всех, так как написал длинный и довольно сложный текст без ошибок. Тогда его переводят сначала в Тольятти, а затем в Москву, учиться на переводчика-востоковеда. Он в совершенстве изучил английский и японский языки, что и позволило ему в дальнейшем работать над литературными переводами. А его выпуск пехотного училища загнали на Курскую дугу, откуда ни один из них не вернулся.

Борис с Матерью все это время живут в Москве, и даже время от времени видятся с Аркадием. Однако Александра Ивановна все время стремится обратно в Ленинград, опасаясь за свою жилплощадь. В мае 44-го Стругацким это удается, сохраняют они и квартиру.

Уже после войны в 1946 году Аркадия Стругацкого отправляют на практику, в Казань, в концентрационный лагерь, вести допросы японских военнопленных. Из этого

ужасного места старший брат вынес массу впечатлений, не самых приятных, но, по-своему, полезных Стругацким-писателям. Именно в этот период Аркадий пишет один из первых фантастических рассказов, «Как погиб Канг». Он даже был опубликован, но уже после его смерти, в 2001 году.

Аркадий закончил свое обучение в 1949 году. В этом же году он женится на красивой и яркой девушке Инне. И уже получив распределение, перед отбытием едет погостить к матери и брату вместе с женой. Борис в это время готовится к последнему году учебы в школе. Братья много говорили друг с другом. Оба уже пробовали себя в писательском деле, Аркадий еще до войны написал первую повесть, «Находка майора Ковалева», которая, к сожалению, была утеряна в блокаду, Борис отметился сочинением на свободную тему, в качестве которого сдал свой первый фантастический рассказ. Да и за время учебы, общаясь лишь в письмах, да на коротких свиданиях, рассуждали о будущей творческой работе. Теперь же они твердо решили — соавторству быть.

Для Бориса это было время выбора будущей профессии, и он намеревался стать ученым-физиком. И в этом начинании его, как никто другой, поддерживал старший брат.

В сентябре Аркадий уехал по распределению в Канскую школу переводчиков. Один, без жены. Инне необходимо было закончить учебу. Возможно, именно эта разлука стала причиной

На стене ремонтного завода в Канске имеется вот такой рисунок и надпись, сообщающая о том, что там служил Аркадий Стругацкий. К сожалению, выглядит она сейчас не лучшим образом.

их дальнейшего развода. Отношения разладились уже в 51 году, а в 52 Инна подает на развод.

В это же время у Аркадия начинаются отношения с бывшей сокурсницей, женой друга, Еленой Воскресенской. Эти отношения порядком портят ему карьеру, и, естественно, разваливают семью Воскресенских. Елена уезжает в Москву, а Аркадий практически ссылают на Дальний Восток.

Между тем, в 50 году Борис заканчивает школу с серебряной медалью. Как и все медалисты, в университет он поступал без экзаменов, его ожидало только собеседование, однако после него Борису сообщили, что он не принят. То ли сказала еврейская фамилия, то ли история отца, который в 37 был исключен из партии. Все-таки поступал он на самый престижный, физический факультет, и собирался заниматься ядерной физикой, а это стратегическое направление. Тогда ему посоветовали подать документы в тот же ЛГУ, но на менее престижный, математико-механический факультет, где, кстати, имелось отделение астрономии. И туда его приняли, о чем в последствие Борис никогда не жалел.

Уже на первом курсе Борис познакомился со своей будущей женой Адой, Аделаидой Карпелюк. Однако их отношения были не столь стремительными, как отношения Аркадия и Инны.

После того, как Аркадия переводят служить на Камчатку, они с братом начинают серьезно обдумывать дальнейшую совместную работу, и даже делают первые наброски. Естественно, все это происходит в переписке. Примечательно, что уже на этой, начальной стадии оба думают о важности работы над собой и текстами, о том, что

писать надо постоянно, и о том, что нужно искать выходы на издательства. Работа в стол их не устраивает с самого начала. Они верят в свои силы, и готовы работать много и плодотворно.

Туда же, на Камчатку, к Аркадию приехала Елена, оставив дочь от первого брака в Москве, с родителями. Будучи еще замужней женщиной, расписаться с Аркадием она не могла, но жить вместе им это не мешало.

В июле 54-го вместо ожидаемого увольнения Аркадий получает перевод на более перспективную службу в Хабаровск. Здесь они с Еленой устроились уже более комфортабельно, и Лена даже съездила в Москву и перевезла в Хабаровск дочь Наташу. Любопытно, она вспоминая тот год в Хабаровске, говорила, что жила там с родителями: мамой и папой. Да, в общем, и всю жизнь она считала Аркадия отцом, хотя и родной отец от нее не отказывался.

В это же время идет активная работа над материалами для «Страны багровых туч». Надо сказать, что задумывалась она давно, и обрывки сюжетных линий братья давно уже обсуждали, но всерьез сели за работу после последнего отпуска Аркадия в Ленинграде, в который они ездили всей семьей. Тогда оба брата и Лена гуляли по городу. Лена все больше молчала, а Аркадий и Борис громко критиковали современную фантастику. В конце концов, Лена не выдержала и сказала, что критиковать может каждый, а вот написать сам... Она вслух предположила, что сами критики вряд ли смогут написать что-то достойное, братья в запале пообещали написать. Результатом этого разговора стал спор на бутылку шампанского. Так что одно из первых произведений братьев Стругацких было написано на спор.

Было в это время и еще одно примечательное событие, и о нем не упомянуть тоже нельзя. По случаю в Хабаровск заглянул еще один сокурсник Стругацкого, Лев Петров, который в последствие женился на внучке Хрущева, но и тогда уже имел не малые связи. И тоже мечтал стать писателем, вот только времени у него на это не хватало, стиль жизни не тот.

И в задушевной беседе Лева подкинул Аркадию идею повести. Да что там подкинул, скорее, напомнил о недавних по тем временам событиях — испытаниях американской атомной бомбы на атолле Бикини. Конечно, в этот раз речь шла не о фантастической литературе, но Петров обещал помочь с публикацией, да и тема старшему Стругацкому показалась интересной.

А 9 мая 1955 года был подписан приказ об увольнении Аркадия в запас. В этом же году Борис заканчивает обучение в ЛГУ и поступает в аспирантуру в Пулковскую обсерваторию, которой он посвящает еще 10 лет своей жизни.

Тогда же Дмитрий Воскресенский, первый муж Лены, наконец, дает ей развод. Рождение Маши, дочери Елены и Аркадия, окончательно поставило крест на этой семье, и надеяться было уже не на что. А 22 декабря этого же года Аркадий и Лена зарегистрировали свой брак.

В Москве Аркадий, наконец, находит работу, в редакции «Реферативного журнала». Это была интересная научная работа, однако тогда ему уже ближе была литература, и в 1957 году он уходит работать редактором в Гослитиздат.

Надо отметить, что все это время Аркадий не забывал об обещании Левы Петрова помочь с публикацией повести, и в 1956 действительно свет увидела их совместная книга «Пепел Бикини». К фантастике она никакого отношения не имела, да и внимания к себе не привлекла, ее значение было в другом: сам того не зная, Петров протоптал для Стругацких дорожку к издательствам. Благодаря этому уже в 58 в журнале «Техника – Молодежи» выходит повесть «Извне». Следом, в 1959 году — «Страна багровых туч», их первая самостоятельная книга, которая задумывалась еще на Камчатке, и принесшая братьям первый настоящий успех.

Осенью 59-го Аркадий снова меняет работу, переходит в другое издательство, Детгиз, там он знакомится с Ниной Берковой, которая на долгие годы стала другом и надежным помощником Аркадия, как человека, и братьев Стругацких, как писателей.

В это время пишется огромное количество рассказов Стругацких, и многие из них практически сразу издаются в различных журналах и сборниках. Интересно и то, что многие из этих рассказов были тогда же переведены на многие иностранные языки, в том числе и на английский, как в самой Англии, так и в Америке. Те, кто знает особенность Американской публики, которая редко принимает авторов из-за границы, тот поймет цену этим переводам.

18 июня 1959 года у Бориса Стругацкого родился сын, мальчика назвали Андрей.

Начало 60-х тоже весьма примечательно, но больше в творческом плане. Поездка Бориса на Кавказ, по сути, положила начало работы над миром Полудня, который, без всяких оговорок, является самым ярким и самым необычным миром советской фантастики. Да и в зарубежной ничего подобного практически не было.

Строго говоря, Полдень стоило бы описать в отдельной статье, но, скорее всего, эта работа и вовсе непосильная. К тому же, я уверена, что прочитать книги Стругацких при любом раскладе будет интереснее, чем знакомиться с чьими-либо мыслями по этому поводу. Хочется только сказать, что это удивительный мир, мир, в котором многим хотелось бы жить.

Но тогда, в 62-ом, когда свет увидела книга «Возвращение», она же «Полдень XXII век» это было лишь зарождение нового мира. И сама по себе она была весьма спорной. До сих пор трудно сказать, в каком же жанре написано это произведение. То ли это роман, как было заявлено изначально, то ли повесть, как принято именовать этот текст сейчас, то ли и вовсе сборник рассказов, объединённых общими героями и одним миром. В последней версии есть рациональное зерно. Общей идеи в этой книге нет, к тому же, ее состав часто менялся, какие-то части удалялись, какие-то вводились.

При этом работать обоим братьям достаточно нелегко. Прежде всего, потому, что кроме литературы, у каждого есть и основная работа, на которую приходится тратить достаточно много времени. Кроме того, Аркадия, как служившего, постоянно таскают на военные сборы. Имеются и личные проблемы. В основном — квартирный вопрос. Борис решил свой просто, после рождения сына переехал с семьёй жить в Пулковское общежитие. У Аркадия с этим было значительно хуже, ему приходилось жить не только с женой и детьми, но и с тестем и тещей, сестрой жены и ее семьёй. Какими бы ни были хорошими отношения, в такой тесноте скандалы возникают неизбежно. А съехать не представлялось возможным.

Но, несмотря на все сложности, с точки зрения литературной деятельности, 62-ой год был для братьев самым счастливым. В этот год вышло три очень сильных и значимых для них произведения: уже упомянутый Полдень, «Стажеры» и «Попытка к бегству», которая многих поразила своей необычностью.

16 октября Аркадий пытается уволиться из Детгиза, ему катастрофически не хватает времени на всю его деятельность, и от чего-то приходится отказаться. Впрочем, главный редактор уговаривает его на творческий отдых, длиною в 3 месяца.

А в конце 62-го года братья закончили повесть «Далекая радуга», которая, по задумке обоих авторов, должна была стать последним произведением из мира полудня. Они начинали уставать от него, это видно и по самой повести, характер которой сильно отличается от предыдущих произведений.

Середина 60-х годов для братьев Стругацких — это период взросления, как писателей. Они уже умеют писать, уже найден единственно верный способ совместной работы и наработана техника. Дальше Стругацкие пишут довольно ровно, но всегда по-разному и о разном. Им не интересно сосредотачиваться на одном мире, на одних персонажах, на одних темах. Они постоянно искали что-то новое, и все их произведения этого периода отличаются друг от друга, при том, что уровень текстов всегда очень высок.

Иллюстрация к повести «Попытка к бегству». Ирина Реуцой

А вот публиковать их стали меньше, впрочем, это было характерно для литературы вообще. Закончилась хрущевская оттепель, последние два года своего правления Никита Сергеевич не давал творческой интеллигенции прохода.

Обострившийся конфликт с властью наложил свой отпечаток и на творчество братьев, в какой-то мере это прослеживается даже в «Попытке к бегству», написанной в 62-ом. Уже там читателям демонстрируется контраст между миром Полудня и кошмаром тоталитарного мира.

Иллюстрация Ирины Реуцой к повести «Трудно быть богом». Дон Румата

Этот же контраст прослеживается в следующих произведениях. Так, в сентябре 63 года закончена работа над повестью «Трудно быть Богом». В ней не только ярко выделяется все тот же контраст, но и поднимаются принципиально новые проблемы. Конфликт прогрессивного человека с жестоким миром действительности очерчен в ней особенно ярко. Кроме того, именно здесь впервые поднимается вопрос о том, насколько допустимо вмешиваться в развитие иных цивилизаций.

В этом же году выходит «Далекая радуга». Сначала в сборники от издательства «Знание — сила», затем отдельной книгой вместе с «Трудно быть Богом». Как ни странно, ни та, ни другая повесть не встретили сопротивления властей. Более того, «Трудно быть Богом» до последнего считалась у них правильной, что называется, идеологически верной повестью. Не удосужились тогда вникнуть, вчитаться в нее.

Однако Система все-таки чувствовала опасность для себя в этих людях. Возможно, именно из-за этого Стругацких очень долго не принимали в Союз писателей, а ведь тогда официальный статус имел огромное значение. Фантастам в принципе сложно было получить заветные корочки, так как их считали приверженцами низкого жанра, не достойными втать в один ряд с пишущими традиционную прозу. Последним было достаточно одной книги, чтобы вступить с Союз, фантастам требовалось две.

Прозорливые братья дождались выхода третьей, и подали заявление только в 61 году. Но не тут-то было, их заявление было задвинуто далеко и надолго, и это при том, что хлопотали за Стругацких самые талантливые и видные деятели советского искусства. Проблемы комиссия видела во всем, и в еврейском происхождении, и в том, что братья живут в разных городах и во многом другом. В итоге членами Союза писателей Аркадий и Борис Стругацкие стали лишь в 1964 году.

Примерно в это же время оба брата в очередной раз задумываются о решении квартирного вопроса. И решат они его совершенно по-разному. Точнее реально его решит только Борис. После долгих колебаний, что же все-таки покупать, квартиру или машину, под руководством мудрой и любящей жены выбор падает на квартиру, и уже в 1964 году они справляют новоселье. А вот Аркадий покупку квартиры откладывает. Сестра Лены с семьей собирается съезжать, а родители снимают дачу на лето. Так что напряженность несколько снимается, и Аркадий, не любивший уезжать с насиженных мест, предпочитает сделать ремонт и купить новую мебель.

В 64 году пишутся две очень разные по характеру и настроению вещи: «Понедельник начинается в субботу» и «Хищные вещи века». Сопоставлять эти две книги между собой очень сложно, да и нужно ли? Они были задуманы разными, разными они и получились. Интересно, что «Понедельник» фактически был одобрен к публикации в очередном сборнике издательства «Молодая Гвардия» буквально по первой главе. Составитель сборника, после прочтения, звонил Аркадию, и уговаривал куда больше эту книгу не отдавать.

А следующий год ознаменовался, пожалуй, самым серьезным творческим кризисом братьев Стругацких. Им не нравится то, что они пишут. Возможно, причиной этому можно считать их обеспокоенность обстановкой в стране, кроме того, им приходится искать новые темы и направления. К тому же уровень их текстов уже очень высок, они сами установили такую планку, что держать ее постоянно было сложно, а писать хуже они просто не имели права. Им было непонятно, что делать дальше, в какую сторону развиваться. А развиваться было необходимо.

Перешагнуть через все это им более или менее удалось к марту, когда они уехали в Дом творчества в Гаграх. Хотя и там они смогли начать работать не сразу, несколько дней просто ходили по городу и пляжам. А начиная с 7 числа идет интенсивная работа над «Улиткой на склоне».

Первый вариант был закончен всего за 15 дней. Однако работа над текстом на этом не закончится. Весь год то и дело они будут возвращаться к «Улитке». Причем увлекла их эта повесть настолько сильно, что даже зарубленные цензором «Хищные вещи века» не так уж сильно волнуют авторов. Впрочем, и с этой повестью им пришлось много работать, чтобы все-таки пропихнуть ее в печать. Для этого очень много сделала Бела Клюева.

Кстати, это весьма интересная история. Когда редактор «Молодой гвардии» сообщил ей, что цензор не пропустил повесть, Бела забрала у редактора сверку, отдавать он, конечно, не имел права, но отдал. А когда попросил назад, она соврала, что передала ее Поликарпову, старому другу ее отца, который в то время возглавлял отдел культуры ЦК КПСС. Звонить и уточнять редактор не решился, и позже на слово поверил Клюевой, что ничего крамольного Поликарпов в тексте не увидел. В итоге, конечно, не обошлось без исправлений, но повесть была опубликована.

Что же касается «Улитки на склоне», то работа над ней продолжалась еще целый год. В первом варианте она была очередным продолжением мира Полудня, и одним из главных героев там был Атос, однако со временем братья поняли, что эту часть придется полностью заменить. Так и появился Кандид. Закончена повесть была в 65 году.

1966 год начинается с работы над «Вторым нашествием марсиан». Пишется он легко и быстро. Черновик готов уже через 2 недели после начала работы. А заканчивается год «Гадкими лебедями». Первый черновик они даже успевают закончить в 66-ом. А в середине года в сборнике «Эллинский сектор» была опубликована сильно урезанная «Улитка на склоне». Урезана она была ровно на половину, в печать пошли только главы о Лесе.

А в 68-ом в Прагу вошли танки. Это было очень показательное событие, фактически, оно говорило о том, что в стране начиналась новая эпоха. Теперь можно было окончательно забыть о свободе всем мыслящим. Коснулось это, конечно же, и фантастики. Стругацкие почувствовали перемену сразу.

Правда «Молодая гвардия» берется печатать сразу две повести Стругацких в новом для нашей страны формате, так называемый перевертыш. Два текста располагаются навстречу друг другу. Изначально планировалось, что в этой книге выйдут «Стажеры» из старого и «Гадкие лебеди» из нового. Однако новую повесть напечатать все-таки не рискнули, и вместо нее вставили «Второе нашествие марсиан». А «Гадких лебедей» тогда и не решились выпустить.

Та же судьба ждала «Сказку о Тройке». Ее, правда, потом напечатал иркутский журнал «Ангара», да и в Казани рискнули опубликовать несколько отрывков сказки. Журнал «Байкал» в Бурятии напечатает вторую часть «Улитки». Надеялись братья также пристроить и «Лебедей». Но... По слухам номер журнала с «Улиткой на склоне» был изъят из библиотек, а главный редактор чуть не лишился должности, да и сам журнал был под угрозой закрытия. В последствии оказалось, что произошло это не из-за «Улитки», но... В том то и дело, что есть еще это но. А «Ангаре» главного редактора за «Сказку» все-таки уволили, да и всю редколлегию заменили, и, конечно же, изъяли номера, какие смогли.

В Советском Союзе всегда было сложно с хорошими книгами, приобрести их было тяжело, многие просто перепечатывали. Но в 68 году это стало по-настоящему массовым явлением. Все те книги Стругацких, которые не получилось опубликовать официально, разошлись по рукам в самодельных копиях. Настоящий самиздат. Были случаи, когда получив копию книги на один день, люди начитывали их на магнитофон, чтобы сохранить для себя текст на потом.

Запретный плод сладок — это известно всем. Без того высокая популярность Стругацких в этот период взлетает до такого уровня, что его трудно себе представить. Дошло до того, что в 71 году «Сказку о Тройке» без разрешения авторов опубликовали в немецком русскоязычном журнале. За что братьям пришлось извиняться перед советским правительством. И, конечно же, это был первый, но далеко не последний раз, когда Стругацких публиковали без их ведома.

Под таким давлением еще в 67 году был задуман «Обитаемый остров». Причем задуман он был, как что-то развлекательное, не слишком глубокое, как говорили сами Стругацкие, «политически беззубое». Это был заказ «Детгиза», им требовался оптимистический роман о контакте с иными цивилизациями. Получилось, как мы знаем, не слишком оптимистично, да и с беззубостью братья тоже ошиблись.

Работа над текстом началась тогда же, в 67, но закончить братья не успевают, велик объем. Все-таки они чаще писали повести, а тут полноценный роман. А в 68, когда они вновь взялись за «Остров», идея романа по-настоящему увлекла их. Уже тогда стало видно, что получается он совсем не таким оптимистичным, как планировалось. Уже тогда появилось подозрение, что и его тоже не напечатают.

Впрочем, «Обитаемый остров» все-таки опубликуают, в 71 году. Но с просто таки рекордным количеством исправлений. Однако даже этому можно только радоваться. Позже печатать не будут вообще ничего.

В 68-ом в дневниках появляются записи о будущем «Граде обреченных», а также намеки на «Пикник на обочине». Но все это они решают пока отложить, да и идеи были еще не до конца оформлены. К тому же в 69 году Стругацкие подвергаются столь жесткой критике, что они вновь задумываются о легком чтиве, написанном исключительно для денег. Так появляется «Отель «У погибшего альпиниста» — яркий, захватывающий фантастический детектив. Текст получился, хотя многие поклонники Стругацких тогда не поняли его, слишком уж сильно в этот раз они отошли от того, что было раньше. Многие считали, что братья измелечали, испугались, прогнулись. Не слишком лестно отзывались о тексте и любители классического детектива, однако об этом и говорить не стоит.

Когда «Отель» был закончен, братья начинают более серьезно обдумывать «Град обреченных», а заодно подают две заявки на сценарии фильмов: «Обитаемый остров» и «Отель». И, что гораздо важнее, вторая заявка была принята, Стругацкими был получен аванс на сценарий, и они начали работать.

70-й год начался с работы над «Градом обреченных». Писался он, пожалуй, дольше всех других произведений Стругацких. И это тем более обидно, что опубликуют его тоже очень не скоро, в столе он пролежит не один и не два года.

А уже в апреле братья садятся за «Малыша». Его, как ни странно, они тоже считали проходным и никчемным, даже пустым. Но, видимо, так Стругацкие писать просто не умеют, если уж они за что-то берутся, то делают это хорошо.

Так они дальше и работают попеременно, то над «Градом», то над «Малышом». Последний писался трудно. По мнению Бориса, это происходило потому, что оба писателя не очень то и хотели его писать, им значительно интереснее был второй проект. Однако он

был менее перспективен в плане публикации, а печататься тоже хотелось, чтобы получить деньги, чтобы о них не забывали. «Малыш» был закончен 6 ноября.

В «Малыше» Стругацкие вновь возвращаются к уже подзабытому ими миру Полудня. Но, как всегда, возвращение для них не стало повторением, как всегда, они раскрыли что-то новое, уникальное, сильное. Кстати, именно эта повесть в последствие была поставлена на театральной сцене. Не сказать, что спектакль был удачным, важен сам факт.

Как только братья заканчивают писать «Малыша», они тут же подают заявку в «Молодую гвардию», причем настаивают на том, чтобы повесть вышла под одной обложкой с «Отелем» и, возможно, с «Пикником на обочине», который пока не написан. И в этот же день замуж выходит Наташа, старшая дочь Аркадия. Сам Аркадий на свадьбе не присутствует.

Главное последствие Наташиной свадьбы — вновь остро вставший квартирный вопрос, особенно остро он коснулся младшей дочери Стругацких, которой в трехкомнатной квартире просто не осталось места. Вопрос о покупке квартиры снова был поднят, но теперь на это не хватало денег.

Братья вновь возвращаются к «Граду обреченных», а также принимаются разрабатывать «Пикник на обочине». Какие-то наметки у них уже были, но за серьезную работу принялись только сейчас.

71 год начался с того, что в «Детлите» выходит роман «Обитаемый остров». Примечательно это событие тем, что это была последняя книжная публикация на очень долгий период. Больше в ближайшее время издавать книги Стругацких уже не будут. На много лет вперед открытыми для них останутся только журналы.

На этом я ненадолго, до следующего номера, прерву свое повествование. Аркадий и Борис Стругацкие прожили долгую жизнь, и сделали так много, в одном номере просто не хватает места, на все, что хотелось о них написать.

Алекс Вакуров

Ветер

Что ты шепчешь мне, ветер,
в зелёных иголках сосновых?
Что рисуете, тучи,
свинцом по багряной тиши?
Может быть, небеса
зывают попутчиков новых?
Может, время пришло
для смертельно уставшей души?

Эх, взлететь бы туда!
Держат камнем грехи, не пускают.
Одиночество давит
намёрзшими глыбами льда.
Только песня звучит.
И теплее становится, тают
Эти пути зимы.
Вот, куплет допою и тогда...

Оторвусь от земли
и расправлю над ветками крылья,
Растворюсь в горизонте,
где солнце ласкает прибой,
Изумрудные брызги
лучатся лазоревой пылью,
Там - лежат берега,
где мы счастливы были с тобой.

Анастасия Голоумова

Х.Б.'08

Х.Б.

Алекс Бераев

Счастливышки

Ночь. В комнате ужасно душно; на окне марля. Будто лежишь в облаке пыли, чьи частицы почти заполнили твои лёгкие.

Здесь же несколько комаров, которые неизменно стремятся в людское жилище, дабы насладиться нашей кровью. Вот и сейчас два зловредных насекомых принялись нещадно кусать мучающегося от духоты Михаила.

Конечно, нужно встать, включить свет, убить комаров и распахнуть дверь. Однако...

Михаил не может этого сделать. Он плохо ходит, отвратительно говорит, и не важно владеет руками. Он болен. Болен с рождения. Убить комара, надеть носки, застегнуть пуговицы на рубашке — задачи для него невыполнимые.

Вообще-то можно разбудить маму или брата. Но Михаилу не хочется тревожить их сон. Просто и к духоте, и к комарам он относится как к ещё одному испытанию духа и плоти. Хоть маленькому, но испытанию. Возможно, перетерпев эти неприятности, Михаил сделает ещё один шаг к духовному совершенству. А может, и нет.

Но главное не в этом. Главное в том, что Михаила внезапно озарило: он счастлив! Да, да! Этот двадцатилетний калека благодарен Господу за то, что Он даровал ему жизнь, наградил прекрасной матерью и любящим отцом. Доволен Михаил и тем, что у него есть добрый брат, а также крошечный круг верных друзей. Он счастлив, что имеет несколько увлечений: футбол, шахматы, сочинение фантастических романов, чтение.

Счастлив наш герой и потому, что Творец наделил его уникальными способностями снимать порчу и лечить людей. Возможно, именно шесть лет назад — тогда, когда у Михаила открылись эти удивительные способности, он и стал самым счастливым человеком на Земле. А может, он был счастлив и до этого?

Возможно. Но какой прок Михаилу от того, что он был счастлив и раньше, но даже не подозревал об этом? Да никакого. Это то же самое, что быть бедным, ежедневно проходить по месту, где зарыт клад, и не знать об этом.

Однако, Михаил осознал себя счастливым, а значит и стал им только сейчас, 23-го июля 2001-го года, в мало кому известной Шумерле, что в Чувашской республике.

«Да он лжёт!» закричат одни из вас. «Разве может он — калека, что не может себя обслуживать — быть счастливым?! Ему что, не хочется посещать концерты любимых групп, ходить на футбольные матчи, общаться с девушками, наконец? Или Михаилу нравится шесть дней в неделю сидеть в квартире, каждый раз просить у кого-либо стакан воды, или сдерживать вспышки беспочвенного гнева, когда его речь не могут разобрать? Да он просто ненормальный, если действительно думает, что счастлив!»

«Он просто сумасшедший!» — возопят другие. «Он умеет снимать порчу? Да разве можно снимать то, чего не существует в природе! Михаил лечит людей? Так почему же он до сих пор парализован! Общается с представителями иных цивилизаций? Но где они? Пусть покажутся! Что он сказал? Инопланетяне существуют лишь на тонком, энергетическом уровне, и не хотят материализоваться?! Мы ведь говорили, что он ненормальный!»

И те, и другие в чём-то правы. Конечно, Михаилу есть чего желать и к чему стремиться. Он жаждет исцеления, стремится к духовным высотам, мечтает издать свой роман, желает увидеть любимую команду чемпионом России.

Конечно, мышление нашего героя иное, чем у других. И не мудрено; ведь постоянно наблюдать параллельный мир, уметь выслушивать уйму чужих проблем, управлять энергиями и правильно считывать информацию — всё это требует особого склада ума. Но Михаил не сумасшедший.

Не похож он и на шарлатана: иначе не было бы ни тех, кто избавился от некоторых болезней, ни тех, у кого все предсказания Михаила сбылись. Вернее, не предсказания, а оказалась истинной та информация, что пришла Михаилу из Космоса. Да и его собственное здоровья серьёзно улучшилось. Почему же Господь не исцелил его полностью? Может потому, что он этого не заслужил? Или потому, что через Михаила Творец учит других состраданию?

Естественно, были в его работе и неудачи. Многих он не спас. Но и у врачей многого не получается. И при этом никто не называет их шарлатанами.

Так почему же Михаил думает, что счастлив? Да потому, что счастьем для него

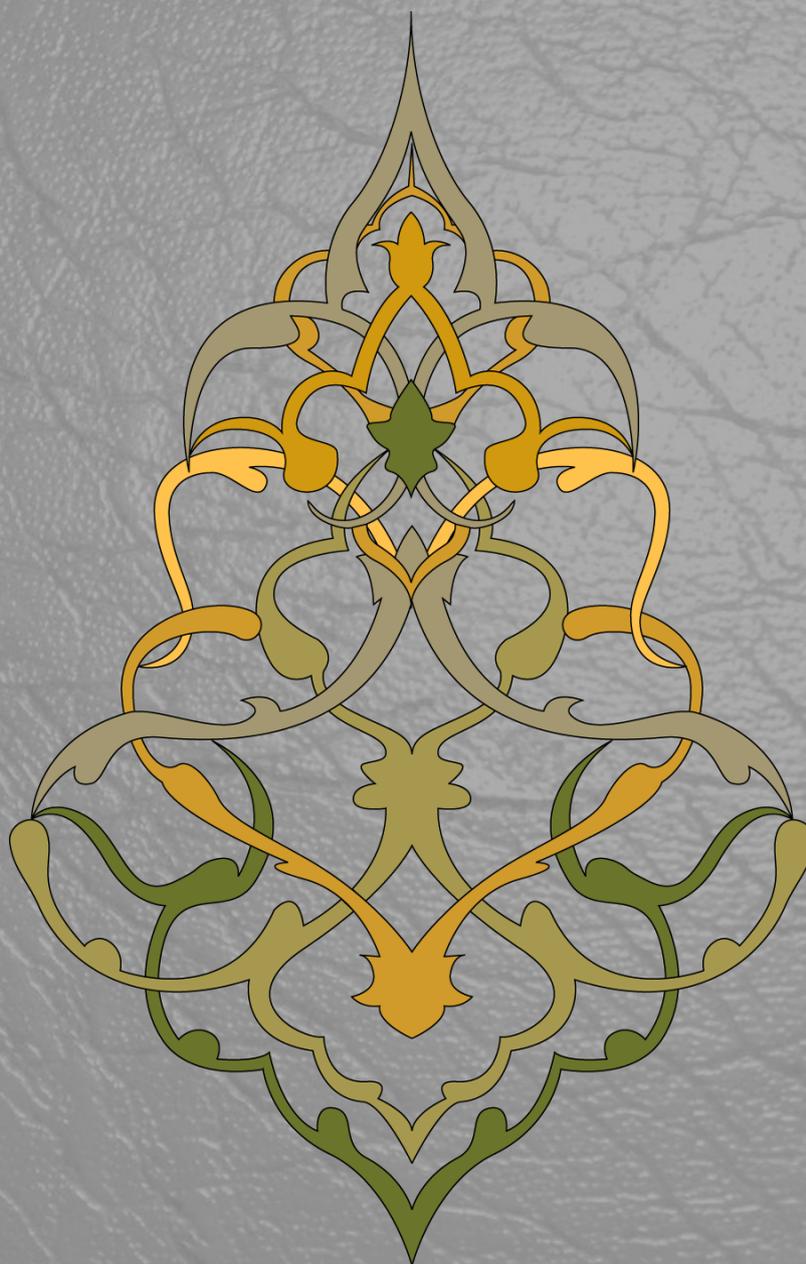

является не отсутствие проблем или исполнения всех желаний. Если у вас нет первых — вы мертвы, а если исполнились вторые — больны; ибо здравомыслящий человек всегда к чему-то стремится.

Счастье для Михаила — умение ценить то, что есть, и спокойная, ежедневная работа ради того, что хотелось бы иметь.

Возможно, это и не счастье. Может, это лишь чувство гармонии с самим собой и любовь к окружающим его людям. Честно говоря, Михаилу не важно, как это называется. Просто ему кажется, что он открыл Великий, Космический закон, который ещё не раз поможет ему в последующей жизни.

И вот пришёл рассвет. Комары исчезли, воздух очистился. Из окна повеяло освежающей прохладой (и это сквозь марлю!). Два часа изнурительного испытания миновали. Михаил повернулся на бок и крепко уснул. Впереди у него был ещё один день счастливой (или гармоничной?) жизни. А потом ещё и ещё. И так до самого конца!

Евгений Бем

За время, пока шла подготовка к 14 номеру газеты, в группе наших друзей прошло целых два конкурса: «Диалог» и «Описание боевых сцен». Это сложные и многогранные темы, и каждый из участников по-своему подходил к написанию текстов. Некоторые решения удивили и организаторов конкурсов, и соперников и читателей. Теперь же лучшие миниатюры из обоих конкурсов представлены на ваш суд.

Ренат Анбаров Время

Шел холодный летний дождь, толстой россыпью бисера сыпавшегося из прорех глубоких карманов кудрявых облаков...

По дряблым щекам Зои медленно текли слезы, которые пытался скрыть непрекращающийся дождь. Колено, разбитое в кровь, не переставало ныть от боли после падения с велосипеда, на котором она пыталась догнать человека в черном. Но не это было причиной ее слез...

Сорвав свой голос до хрипа, пытаясь докричаться до него, Зоя все же добилась своего, и он остановился. Темная фигура с большим угольно-черным зонтом, шедшая по асфальтированной трассе, граничившей одновременно с пшеничным полем и смешанным лесом, медленно развернулась в ее сторону.

Было очень холодно...

Уже не молодая женщина, мать троих детей и бабушка двоих внуков, стояла перед ним в одной промокшей выцветшей ночной рубашке, поверх которой, был небрежно накинут старый каштановый плащ, ее покойного мужа. Растрепанные седые кудри, которые она и не пытался убрать, липли к красивому старческому лицу.

Человек этот смотрел на нее сверху вниз. Мужчина отличался полнотой в талии и широкими плечами. Он был одет в строгий, выглаженный черный костюм с белой рубашкой и синим, в черную полоску галстуком. Глубоко посаженные глаза были серого цвета, а нос, похожий на картошку, имел маленькую черную родинку на конце. Не смотря на то, что лицо его украшали лишь редкие морщины, а кожа казалась свежей и подтянутой, глаза предательски выдавали преклонный возраст мужчины, которые успели повидать многое на своем веку.

— Пожалуйста... — прохрипела Зоя, сквозь слезы. — Вы не можете вот так уйти.

— Мы уже все с вами обсудили, Зоя Евграфовна, — холодно процедил незнакомец.

— Послушайте, ну... ну если бы у меня было больше времени или обстоятельств...

— Времени было предостаточно, а обстоятельств еще больше, — грубо прервал он ее.

Зоя прикусила губу, чувствуя, что сейчас разрыдается с еще большей силой. Лицо мужчины на протяжении их недолгого диалога не менялось, оставаясь таким же каменным и холодным, как это было несколькими минутами ранее в ее доме.

— Ваш контракт истек сегодня ровно в одиннадцать часов по московскому времени, — отчеканил ее собеседник.

— Я не успею... — робко вставила Зоя.

— Вы сами заварили эту кашу, — парировал он.

— Да, я виновата, — согласилась женщина. — Но мне просто нужно еще немного времени, иначе...

— Согласно части второй... — грубо перебил ее мужчина.

—... я просто... — продолжила она, отказываясь воспринимать его слова.

—.. пункта четвертого, данный контракт не подлежит продлению или расторжению, - закончил он.

— Если я не объясню ему все, если... если я не успею извиниться... я не прощу себе, — продолжила она, вцепившись руками в свои седые кудри.

— Тогда советую поторопиться, — чуть наклонившись, равнодушно ответил мужчина. — Всего доброго, — закончил он и, развернувшись, пошел дальше.

Но не успел он сделать и шага, как почувствовал, что что-то тянет его назад. Резко развернувшись, мужчина стал свидетелем того, что Зоя встает перед ним на колени.

— Вы меня слышите, но не хотите слушать! Как еще мне вас убедить? Как заставить вас помочь мне? — всхлипнув, выкрикнула она, преодолев хрипоту и боль в горле.

Наши друзья

—Что вы делаете?! — сквозь зубы, процедил он слова. — Немедленно встаньте!

— Один день, прошу! Всего лишь один день, — забыв про ушибленное колено, сказала она, подползая к нему.

— Я раболепства не терплю! — тем же холодным тоном продолжил человек в черном, и, схватив ее за локоть, поднял на ноги.

— А что если...

Зою вдруг осенила мысль. Нащупав рукою под мокрой ночной рубашкой нательный крестик, она второпях сорвала украшение с шеи, протянув в его сторону. Лицо мужчины тут же сморщилось от гримасы отвращения.

— Вот, возьмите, — настойчиво произнесла она. — Я отрекаюсь от Него. А когда настанет мой день, можешь забирать меня.

Чуть отступив на шаг назад, незнакомец призадумался, взвешивая все «за» и «против».

— Но ведь вы и так отреклись от Него, заключив со мной контракт этим летом, — на его каменном лице растянулась хитрая улыбка.

— Он всегда был со мной, — с твердой уверенностью в голосе парировала она. — Но сейчас...

— Я дам вам время до полуночи, и не минутой больше, — перебил он ее. — Согласны?

— Да, — не колеблясь и минуты, ответила Зоя.

— Тогда по рукам, но сначала, бросьте «это», — взглядом указав на крестик в ее руке, закончил он.

— По рукам, — руки ее разжались, и крест смиренно брякнул, упав на темный асфальт. Человек в черном с силой сжал ей руку. Челюсть его опустилась так низко, что рот его вытянулся в устрашающий эллипс, из которого вырвалось ослепляющее, золотистое сияние. В глазах Зои все померкло, шум дождя и ветра стихли, только холод остался.

Когда она пришла в себя, то поняла, что сидит на асфальте. Дождь прошел, мужчина исчез. Лишь ветер лениво качал из стороны в сторону брошенный им зонт. Она вновь молода, хоть и ненадолго.

— Я успею, — пошептала она. — Я успею! Дима дождись меня! — выкрикнула девушка, и, подняв свой велосипед, поспешила обратно.

Александр Заресов

Дождь косыми шагами расчерчивая мостовую, торопливо несся по городу. Словно раненный зверь, убегающий от погони, он оставлял за собой следы в виде скользких противных лужиц. В красноватом освещении фонарей, лужи и впрямь казалось отливали розовым. Как кровь. Подумав об этом, Эрик, граф Брюанский поморщился и инстинктивно опустил руку на эфес, висевшей на поясе рапиры. Этот город — прогрессивная столица Империи — несмотря на весь свой прогресс вызывал у Эрика ассоциации со смертью, гниением и тюрьмой. А вот теперь еще и с кровью. Скорее бы уже уехать отсюда...

Очередная розоватая лужица, в которую Эрик, увлеченный своими мыслями, опрометчиво наступил, оказалась чересчур скользкой и, потеряв равновесие, граф Брюанский чуть было не сел в лужу, извините за каламбур. Неуклюже взмахнув руками, Эрик все же сумел удержаться от падения на мокрую брусчатку, однако был вынужден отступить влево, и, для восстановления равновесия ухватиться за ближайший фонарный столб.

Это спасло графу жизнь.

Тяжелый арбалетный болт, недовольно свистнув в паре дюймов от его головы, глухо чиркнул по мостовой, высекая слабые искры.

— Граф Брюанский, я полагаю? — подняв голову, Эрик разглядел говорившего, и, судя по арбалету в руках, стрелявшего в него человека, стоявшего на крыше дома прямо над ним, — похоже, слухи о вашей прямо-таки мистической везучести не лгут!

Отлепившись от фонарного столба, Эрик торопливо нащупал шпагу, на негнущихся ногах попятился от дома.

— Но, я думаю, сегодняшний вечер положит конец вашему легендарному везению, — насмешливо продолжал арбалетчик, — равно как и вашей жизни, господин граф...

Почувствовав движение справа от себя, Эрик обернулся. Дорогу, по которой он шел сюда уже перегородили трое молодцев в черной одежде, все с клинками наперевес. Дворянская честь требовала принять бой, однако, врожденная осторожность, которой Эрик доверял куда больше, настойчиво советовала бежать.

Но бежать было некуда. Дорогу слева также перегородили еще двое.

Наши друзья

— Ангард, господин граф! — по-дирижерски взмахнул арбалетом человек на крыше. Молодцы в черном тут же кинулись на Эрика.

Кроме одного, мешком повалившегося на землю. Эрик разрядил в него свой карманный револьвер. С каким бы недоверием граф Брюанский не относился к прогрессу, этот недавно вошедший в моду среди аристократов-дуэлянтов инструмент смертоубийства он ценил, и умел им пользоваться. А вот шпагой Эрик владел заметно хуже. Что однако не помешало ему, размахивая ей, с громким криком броситься на встречу нападавшему слева.

Человек в черном спокойно отразил первый выпад Эрика, ушел от второго изящным разворотом и незамедлительно припечатал графскую аристократически небритую щеку стальным локтем. Во второй раз за последние пять минут Эрик потерял равновесия и на этот раз свалился таки в лужу. Нападавшие не торопились добивать лежачего, только лишь сгрудились вокруг него плотной кучкой и довольно загоготали.

— А слухи о том, что вы прогуливали уроки фехтования тоже, оказывается, правдивы, граф! — усмехнулся арбалетчик, явно бывший главным в этой шайке убийц. Эрик, сжав зубы, попытался подняться, однако один из бандитов бесцеремонным пинком опрокинул его навзничь.

— Убейте его! И пусть все выглядит, как ограбление! — холодно приказал арбалетчик.

— Хе-хе! — хрипло засмеялся один из его подчиненных, наклоняясь к Эрику, — давай сюда кошелек, граф!

Эрик оттолкнул руку бандита, поймав себя на горькой мысли, что придется ему, наследному графу и потомственному дворянину, погибнуть вот так вот, ни за что ни про что, в вонючей луже от руки неизвестного бандита. Глупо, нелепо и абсолютно не достойно.

Внезапно смех разбойников заглушил звон бьющегося стекла.

Два фонаря синхронно погасли, осыпав розовыми стеклами мокрую мостовую. Эрик прикрылся от осколков руками, услышал, как коротко охнул склонившийся над ним разбойник. Капли дождя падали на руку, просачивались сквозь пальцы, тонкой струйкой стекали на лицо. Эрик облизал мокрые губы и понял, что это совсем не дождевая вода. Отвел руку, напряг глаза, пытаясь рассмотреть, что происходит.

Один из разбойников как-то неловко скрючился и обвис на руках второго. Еще двое бандитов, выставив клинки, осторожно, кошачьими мягкими шагами двигались по направлению к плохо различимому, серому, как стены домов, силуэту.

— Что там у вас, черт возьми, происходит? — рявкнул сверху арбалетчик.

Графа Брюанского, сидящего на мокрой мостовой этот вопрос тоже сильно интересовал.

— Так что же там все-таки произошло, Монро? — по-прежнему стоя спиной к наемнику, спросил барон де Лот, — что помешало твоим людям прикончить ублюдка из Брюана?

Вопрошаемый сглотнул, вытер со лба пот, громко выдохнул и произнес наконец:

— Дьявол, мессир. Не иначе это был дьявол...

Барон хмыкнул.

Монро упер глаза в пол, вспоминая подробности того вечера...

Человек, помешавший нападению на графа Брюанского, казалось, был соткан из дождя. Казалось, он сам был дождем, материализовавшимся в этом месте, для того чтобы прогнать со своей дороги мешающих людишек.

Монро готов был бы поклясться, что Хуан, один из его ребят, через секунду снесет голову нежданному гостю, однако тот неожиданно как будто бы уменьшился в росте ровно на одну голову, так, что сабля Хуана просвистела над его волосами. А затем сам Хуан схватился за живот и со стоном упал на колени.

Монро сжал зубы. Незнакомец вывел из строя уже двоих, однако беспокоиться пока было рано. Место Хуана занял Гийом, знаменитый в определенных кругах дуэлянт, ввязываться в поединок один на один с которым, значило почти тоже, что самолично прыгнуть на обнаженный клинок. Да, Гийом был тертым калачом. Поколебать его не могли ни скользкая от дождя мостовая, ни вывалившиеся на эту мостовую парой мгновений назад внутренности Хуана.

Он плавно начал обходить противника по кругу, неспешно (якобы) перекидывая рапиру из руки в руку.

Выпад.

Отбит.

Выпад.

Отбит.

Наши друзья

Поворот. Обманный выпад и перехват эфеса другой рукой...

Монро, с заряженным арбалетом в руках следивший за схваткой, угадывал движения фехтовальщиков, больше похожих сейчас не на собравшихся убить друг друга бойцов, а на двух, соревнующихся в грации танцоров.

Блок. Выпад. Шаг назад.

Сейчас будет парирование. Потом шаг влево, ложный замах и резкий удар справа снизу, от бедра, — угадал Монро. Коронный прием Гийома. Смертельный прием.

По-видимому, даже Творцы хотели получше рассмотреть окончание этого поединка. Резкая вспышка молнии осветила сражающихся. Гийом как раз занес клинок для ложного замаха. В озарении молнии, все как будто бы замерло, превратившись в картину, неуклюже заштрихованную серыми росчерками дождя.

Тоненькая, изящная как пальцы арфистки и яркая, как мундир имперского гвардейца, алая линия, последним, финальным мазком легла на холст незримого художника. Тоненькая, прекрасная, как губы куртизанки, отвратительная, как трупная вонь, струйка крови, льющаяся из горла Гийома.

Молния погасла.

Победитель поединка шагнул в сторону, уворачиваясь от брызг, поднятых упавшим телом Гийома.

Монро разрядил арбалет.

Неизвестный, разделавший только что одного из лучших фехтовальщиков в Империи, плавным, и в тоже время молниеносным кувыркком ушел от болта, двинулся к оставшимся рядом с по-прежнему лежащим в луже графом, бандитам.

— И? — поворачиваясь наконец к Монро, спросил барон, — что было дальше?

Монро молчал, боясь поднять глаза на скрытое страшной железной маской лицо своего хозяина. Он знал, что под маской барон де Лот еще страшнее. И он не хотел рассказывать о том, как бросив арбалет, побежал по крыше, так и не узнав, чем все закончилось...

Последний из головорезов бросил обмякшее тело товарища и тоже бросился бежать. Незнамец не стал его преследовать. Наклонился над брошенным им мертвецом и выдернул из его затылка кинжал. Неторопливо встал, подбросил кинжал в руке, перехватил за лезвие. Метнул, почти без замаха.

Эрик не стал смотреть, ему хватило всхлипа и звука падающего тела.

— В следующий раз подумайте хорошенько.

— Что? — переспросил Эрик, изумленно глядя на своего спасителя.

— В следующий раз подумайте хорошенько, граф — повторил тот, уходя, — подумайте хорошенько, когда решите на ночь глядя гулять по столице. Это опасное место, не чета Вашему родному Брюану...

— Это я уже понял, — начал было Эрик, но тут же осекся.

Его никто не слушал. Незнамец уже исчез, как будто бы растворился в каплях никак не желающего ослабевать дождя.

Неравный бой

Дарья Кошова

Писатель Климушкин навис над монитором. Пустая страница пугала своей белизной, заставляла противно дрожать пальцы. Климушкин сделал несмелый выпад: «Жила-была Марья Петровна. Она была очень красивой». Тавтологии взвились над автором, как воронье, норовя побольнее клюнуть только что созданный текст и ни в чем неповинную Марью Петровну. Климушкин отбивался, как мог, прикрываясь одной рукой, а второй пытаясь попадать по клавиатуре. Канцелярит выскочил неожиданно, со спины. Климушкин едва успел отреагировать, увернувшись от стальных клыков. Пролетев мимо автора, Канцелярит впился в текст, работая страшными челюстями. «Внешний вид Марьи Петровны был удовлетворительный». Климушкин, увидев такое, едва не подавился. Бедная героиня, Марья Петровна, убегала по листу ворда от металлической собаки, пощелкивающей зубами. Несчастной женщине никак не хотелось становиться «удовлетворительной». Но Климушкин уже не мог ей помочь. Из окна полетели Неудачные Метафоры, да какие! Словно змеи, падающие с деревьев! Словно крысы, почуявшие кусок сыра за пазухой! Они

Наши друзья

валились писателю за шиворот, царапали маленькими лапками живот и норовили залезть в уши. А из под стола вылезла Неуместная Рифмизация. Оскалилась. Выпучила желтые глаза. Писатель Климушкин побледнел. Рифмизация запела жутеньким голоском:

— Сколько живешь, меня не убьешь!..

Климушкин схватил компьютерную мышь и бросил в Рифмизацию. Она увернулась играючи. Противно, в рифму, засмеялась. Потянулась к шее писателя, облизывая губы узким бледным языком. Неудачные Метафоры тяжелым грузом повисли на пальцах, приковывая писателя к столу. Пока Климушкина держали, Канцелярит принес жидкое мыло из ванной комнаты, и облил писателя с головы до ног.

Бой был окончен.

Ослепший, оглохший, но пахнущий ванилью, Климушкин уже не разбирал слов. Он писал, путая синонимы с антонимами, литоты с гиперболами.

Марья Петровна рыдала, загнанная в угол листа...

Светлана Кобелева

Следующий текст просто необходимо немного пояснить. Дело в том, что Светлана Кобелева прислала на конкурсе отрывок из недописанного произведения, над которым работала с двумя другими авторами: Анной Завадской и Екатериной Масаловой. Отрывок вызывал много вопросов о том, что же вообще происходит. И, чтобы облегчить участь читателей, было принято решение к конкурсной миниатюре добавить еще один отрывок, помогающий вникнуть в ситуацию.

Вар

Вновь все то же самое — надоело! Не жизнь, а игра в прятки или того похуже. Арль тихо прикрыл за собой дверь и тенью скользнул в коридор. Слуги заглянут к господину ровно в полдень завтра, так как очень хорошо осведомлены о его привычках, поэтому беспокоиться было не о чем, и это радовало. Труп до этого момента окоченеет, и яд полностью растворится в крови. И никто не подумает на "игрушку" графа, с которой он любил поразвлечься в свободное время. Арлю это было на руку — успеет к тому времени скрыться. И ищи-свищи его с ветром в поле, не найдете.

Тряхнув головой, он быстро перевязал волосы лентой и спрятал под капюшон. Вкус поцелуя графа и неприятные ласки до сих пор заставляли морщить нос от отвращения, но ничего — пройдет. Заказ, который с первого взгляда казался невыполнимым, на самом деле был прост, стоило лишь узнать, что жертва слишком уж падка на красивых юношей. Тем более на тех, кто попал в безвыходную ситуацию и вынужден был стать ее рабом....

Он с ненавистью коснулся ошейника и рывком его снял. Думал, что уже никогда не попадет в такую же ситуацию, как эта, а нет, Харг подшутил — сам влез, добровольно. Воспоминания, которые Арль отгонял от себя, вновь нахлынули, сметая на пути все барьеры, выстроенные годами. Сколько он не пытался забыть — не получалось. Да и как такое забудешь, когда твои собственные родные после смерти родителей продают тебя в рабство, чтоб не мешался под ногами. Когда день и ночь испытываешь на себе издевательства доморощенного богатея и с дрожью вспоминаешь его слюнявые губы, грязные руки. Когда тебя отдают потом, как ненужную "игрушку", другим аристократам. Такое не забудешь, как и восторг, испытанный от крови на руках и страха в глазах бывшего хозяина. Тогда Арль первый раз познал вкус мести и... смерти — настолько яркий и сладкий, что нельзя передать словами. И ему было всего лишь четырнадцать лет.

Арль злобно улыбнулся и закусил губу. Четыре года прошло, а тот восторг так и не исчез. Слава Харгу, в дни блуждания по улицам столицы его заметили шестерки из гильдии убийц и взяли на попечение. За эти годы он многому научился и смог стать самым оплачиваемым из "ночных охотников" — как жаль, что учителя давно уже погибли (надо признать не без его помощи). Это стало причиной того, что многие начали его бояться, даже свои, но пойти против... никто не смел. Но и никто не хотел признаваться, что боится восемнадцатилетнего пацана, тем более, выглядящего, как девчонка.

Выйдя из большого старого дома через черный вход, Арль в несколько шагов пересек двор — вечерние сумерки были ему на руку, можно было не беспокоиться о любопытных взглядах. Перелез через стену и, уже со спокойной душой, направился прочь из столь "гостеприимного" места.

Спокойно пройти ему не дали — все испортили две темные фигуры, появившиеся будто бы из ни откуда и преградившие дорогу. Арль дернулся, на ходу доставая кинжалы

— интуиция подсказывала, что ничего доброго ждать от неожиданно возникших прохожих не стоит. Видимо, он где-то допустил ошибку в расчетах, вот за это и должен сейчас расплатиться по полной. Харговые дети, как же все не вовремя! Незнакомцы, кажется, даже не заметили его попытку сопротивляться. Один из них просто взмахнул рукой, и Арль с ужасом осознал, что не может пошевелиться.

— Не надо, Арль — нет надобности. Мы не причиним тебе вреда. Наоборот, у нас к тебе есть предложение. Хочешь послужить Харгу?

Шурх, шурх — кинжалы летели, будто заговоренные, будто кто-то наделил их разумом. Манекен, сооружённый из мешка с песком, был уже полностью утыкан ими. Шурх — еще один клинок вонзился в его «голову», слегка дрожа. Зло усмехнувшись, Арль откинул распущенные волосы назад и вытер руки о черные льняные брюки. Тусклый свет, едва проникнув в зал из небольшого окна у потолка, отбросил кривые тени на лицо Вора, делая его жестче, злее. В этот момент никто не смог бы спутать его с девушкой.

Достав из кармана черную ленту, он подвязал ею волосы, и не спеша пересек полупустое пространство. Этот заброшенное и забытое всеми помещение стало прекрасным местом для его тренировок. Местом, где Арль мог хоть немного развеять свою скуку. Поэтому, когда от придворных интриг становилось невмоготу, а лицо Ричи вызывало лишь глухое раздражение, Вор приходил сюда, чтоб поговорить с Тенью, да отточить свои навыки.

Но сейчас, вытаскивая ножи из манекена, Арль был вынужден признать, что это уже не помогало. Ему было скучно. Даже не так — СКУЧНО! И как развеять эту тоску, он не знал. С каждым днем все четче понимал, что ему не хватает тех времен, когда он был простым убийцей. Тогда кровь кипела в венах, а сейчас едва-едва бурлила. Вседозволенность, оказывается, может надоесть!

Юноша тряхнул головой и потянулся — прохладный воздух овеял разгоряченное лицо и оголенные руки. В тот же миг кожа покрылась пупырышками. До чего же приятно чувствовать усталость — особенно, видя, насколько тело стало гибче и быстрее. Удивительно, но ночи без сна в окружении алкоголя и девушек ни капли не ослабили Арля, что несказанно его радовало. Все же он любил быть первым во всем, к чему прикладывал руку... без исключения. Про секс и драки можно даже и не упоминать.

Едва слышимый шорох за спиной заставил напрячься. Вор любовно погладил рукояти кинжалов, которые спрятал в ножны, и плавно обернулся. Солнечные зайчики тут же заплясали на металле метательных ножей, когда Арль вытащил пару из наручей. Его губы тут же исказила предвкушающая улыбка — кровь забурлила, оживляя все чувства, делая восприятия острее и ярче. В тот же миг в арочном проходе появилась едва различимая фигура — судя по очертаниям, мужская. Она, казалось, отделилась от тьмы — столь же темная и мрачная. Арль с интересом наклонил голову, дожидаясь, когда незнакомец подойдет ближе. Он не хотел спешить — зачем, если был уверен в победе. Кто бы ни был этот сумасшедший, юноша справится с ним... или умрет. В любом случае выиграет.

Незнакомцем оказался уже немолодой, но еще крепкий воин — маркиз Эквит де Логд. Колоритная фигура, надо признать — широкие плечи, длинные жилистые руки. Кажется, вчера Арль «виделся» с его малолетней дочерью... или это было не вчера, а позавчера? Ха, какая разница! Он ядовито улыбнулся и, не упуская из виду меч, который Эквит с тихим шелестом вытащил из ножен, карикатурно поклонился.

— Чем заслужил такую честь, маркиз?

Мужчина вздрогнул, скрипнул зубами — глаза запылали безумной злобой.

— Как ты посмел... выродок! Ублюдок! Моя дочь... из-за тебя...

Его губы превратились в белую линию — так плотно он их сжал, а ноздри расширились, как у быка, готового к атаке. Клинок в руке вздрогнул — пальцы, которые сжимали его рукоять, побелели, как и губы. Арль наигранно хлопнул себя по лбу и еще шире улыбнулся.

— Маргарита, да? Ох, славное дитя, а какое сладкое... м-м-м... Вы пробовали?

Наверное, это было последней каплей, потому что де Логд "взорвался" атакой! Если бы не тренировки жрецов Харга, то лежал бы сейчас юноша с распоротым животом, а так, длинный меч даже безрукавку не зацепил. Зато у Арля появилась возможность вытащить свои кинжалы, пока Эквит готовился к новому «взрыву».

Вор закружился вокруг маркиза, нанося легкие, но очень болезненные удары. Тот пытался защититься, ставил блоки — да только, как ему сравниться с профессиональным

Наши друзья

убийцей, сила которого в ловкости и скорости? Да, никак. Вот поэтому спустя десять минут де Логд уже тяжело дышал и едва держал оружие в руках. Кровь, из мелких порезов на лице, застилала глаза, а на теле не было живого места — бархатная ткань камзола насквозь промокла и не только от пота. Арль отскочил в сторону и, выставив перед собой кинжалы, ехидно произнес:

— Маркиз, разве Маргарита стоит этого? Вам хоть известно, как она отзывается о вас? Нет? Узколобый, недалновидный, погрязший в традициях... Продолжать?

Эквит сплюнул кровавую слюну на землю, зло сощурил глаза.

— Ей... же... всего... пятнадцать... как... ты мог? Ублюдок!

Де Логд замахнулся мечом и вновь набросился на Арля. Тот же, смеясь, уклонился от удара и проскользнул за спину.

— Ну-ну, не стоит так горячиться! К тому же, вы должны меня благодарить — если б не я, она, найдя неумелого, стала бы фригидной.

Эквит опустил оружие и остановился, чтоб отдышаться. Его лицо исказила гримаса боли и отвращения.

— Но из-за тебя... Маргарита... пошла по рукам!

Арль удивленно изогнул бровь, затем раздраженно хмыкнул.

— И при чем здесь я, маркиз? Разве это по моей вине она, не закончив спать с одним, лезет в постель к другому? Разве я заставляю ее это делать? Маркиз, вы меня обижаете. Зачем мне это делать? Девочка сама решает — с кем и чем заниматься.

— Но до тебя... Маргарита была невинной!

Вор засунул кинжалы в ножны и вновь ядовито усмехнулся — де Логд уже не нападал на него.

Мужчина, уронив меч, с каким-то отчаянием смотрел на Арля, будто надеясь, что тот превратится в монстра, которого убить-то проще. По крайней мере, потому что он не умеет разговаривать.

— Невинной — имеете виду девственницей? И в чем вы здесь видите невинность, маркиз? В какой-то перегородке? Чистота души и чистота тела — разные понятия, разве паладины Тарна не научили вас этому? Будь Маргарита чиста — поверьте, она бы не допустила даже первого раза, что уж говорить об остальных.

Эквит закрыл лицо руками и, упав на колени, простонал:

— Что же мне делать?

Арль пожал плечами и, развернувшись, направился к выходу, но на пороге остановился и, не оборачиваясь, произнес:

— Может, вам стоит показать, что не обязательно искать на стороне?

Выйдя из арки в полутемный коридор, он замер, интуитивно чувствуя, что рядом кто-то есть. Схватившись за метательные ножи, юноша оскалился. В тот же миг, тень рядом с ним сгустилась, и на свет вышел Шарль — черный, как и та тьма, из которой появился. Только бледное лицо, доказывало, что он еще человек... возможно.

— Твои инстинкты, Арль, с каждым днем становятся лучше.

Вор тряхнул головой и передернул плечами, снимая с них напряжение. Засунув ножи на место, он скрестил руки на груди.

— Мэтр, не ожидал вас увидеть! Какими судьбами?

Шарль бледно улыбнулся и прищурил глаза.

— Его Величество Луи Первый хочет тебя видеть — у него есть задание для такого, как ты. — Заметив, как недовольно нахмурился Безродный, маг добавил: — Интересное...

— О, это все меняет! Слушаюсь и повинуюсь.

Вор наигранно приложил руку к сердцу, склонил голову. Вся его поза выражала такое почтение, что Шарль даже покачал головой.

— Лицедей... Пойдем, я проведу тебе через Тень. Не через ту, которой ты обычно пользуешься — через другую, так что будь аккуратней. — Разрезав ладонью воздух, маг, казалось, разделит пространство на две части. Открыв проход, он поманил за собой Арля. И перед тем, как исчезнуть во тьме, произнес: — Кстати, если тебе интересно, маркиз задумался над твоим советом...

Вскоре звуки его голоса потонули в тишине.

Наши друзья

Евгений Бем

Александра Сорокина

Талисман

Я терялась в цветастом великолепии дворца Лилий. Привыкшая жить при храме Феми, в аскетизме и простоте маленьких комнат, я едва дышала, боясь нарушить торжественную пышность церемонии обретения Тилсим. Впервые на меня одели великолепное платье, которое положено воплощению богини любви на церемонии. Кожа лоснилась от масел и благовоний, а руки пестрели ритуальными письменами. Сегодня я должна стать Тилсим Ахабба для принцессы Ерби, которую видела раньше лишь на общих празднествах — и то издалека. Стать талисманом любви выпадает лишь одной девушке, и нового воплощения не будет, пока не уйдет в царство Мит прежняя Тилсим Ахабба.

Правда, осторожно ступая по мозаичному полу, расцвеченному брызгами полуденного солнца, я не чувствовала себя исключительной. Скорее, маленькой и неуклюжей. Сегодня я впервые смотрелась в зеркальную пластину, пока остальные послушницы убирали в высокую прическу мои длинные черные волосы. Жесткие и непослушные, они то и дело выпадали из украшенного жемчугом и перьями сооружения. И Анан тихо, чтобы, упаси Шма, не прогневить богиню, ругалась, пытаясь поторопить криворуких девчонок. Анан, вообще-то, добра к послушницам, но иногда говорит такое, от чего уши сразу пунцовеют. Сейчас первая жрица Феми торжественно шествовала по правую руку от меня. С подведенными углем глазами и белым лицом, она походила на одну из статуй богини в храме. Я вряд ли выглядела так же величественно — слишком смуглую кожу так и не смогли выбелить полностью, а обведенные углем черные глаза казались провалами в царство Мит.

Тяжелые двери с изображением священных зверей распахнулись, и на меня обрушился водопад звуков и красок. Я никогда не представляла, как много людей может находиться во дворце одновременно. Больше я видела только в праздники, посвященные божествам на храмовых площадях, но тогда я была лишь одной из послушниц Феми и могла прятаться в тени жриц и жрецов. Теперь же все взгляды были обращены лишь на меня, и от этого казалось, что вот сейчас произойдет нечто ужасное. Например, я споткнусь, или чихну, или забуду церемониальные слова.

Я постаралась сосредоточиться на главной моей цели — невероятно далеко впереди, среди колонн с изумрудными птицами и черными пантерами на них, красовалась на огромном мраморном сиденье миниатюрная девушка. Чуть постарше меня, одетая в шелковое схенти ослепительно белого цвета. Тяжелое оплечье-клазирис, украшенное золотом, серебром и яшмой, сияло, словно еще одно маленькое солнце. Драгоценные капли в волосах и короне дробили солнечные блики, превращая их в искристый водопад. Оливковая кожа идеального оттенка слегка мерцала от специальных масел на основе плодов аасаль. Миндалевидные глаза казались светло-грозовыми, а легкие каштановые волосы, будто сами собой, образовывали ритуальную прическу Тай. Ох, какой же уродиной я себя почувствовала. Захотелось по привычке сдуть со лба непослушную жесткую челку. Я всегда так делаю, если чего-то боюсь или смущена. Но любые вольности во время церемонии обретения Тилсим запрещены, и потому пришлось сдержаться.

Принцесса смотрела на меня. И только на меня. Словно богиня, сошедшая на землю, которая рассматривает встретившуюся ей простолоудинку. Впрочем, я ведь и была простолоудинкой. Когда-то.... Еще до того, как меня отыскивали жрицы богини Феми. У меня были отец и мать, трое сестер и двое братьев. Они живы и сейчас, но мне строго-настрого запрещено встречаться с ними. Ведь я — воплощение богини. А у воплощения не может быть земных привязанностей.

Чуть не оступилась. Какая-то плитка выступала немного из череды своих соседок, и я, конечно же, ее не миновала. Уши сразу запылали. Хорошо хоть, что ритуальная прическа включает цветные ленты, ниспадающие по бокам. Вот вам и воплощение. Никакого величия! Шепотки, катившиеся по залу следом за мной, стихли. Умолкли и флейты, призванные подчеркнуть торжественность моего шествия.

— Приветствую тебя, воплощение Великой Феми! — разнесся по залу звонкий

голос принцессы. — Прошу, склони свой слух к моей скромной просьбе и стань мне Тилсим Ахабба.

— Приветствую тебя, о, Высокая! Скажи, сколько я должна служить тебе? — заученные слова лились без запинок. Не зря Анан заставляла послушницу до мозолей на языке повторять ритуальные фразы. Я всегда удивлялась, зачем спрашивать то, что и так понятно — служить, пока принцесса не решит, что нашла достойного супруга, или возлюбленного — кому что. А потом — снова в храм — ждать, пока другие знатные женщины не попросят первую жрицу, чтобы ты послужила талисманом и для них. Иногда, правда, царицы считали, что Тилсим должна служить только им, и тогда девушке приходилось всю жизнь прожить во дворце. Впрочем, это ведь не самое плохое, что может готовить судьба для девушки.

— До тех пор, пока я не найду свою любовь, почтенная Тилсим.

А вот этого в ритуальных фразах не было. Дальше она должна была сказать: «Пока богиня не соединит меня с избранным». В зале снова прокатился шепоток. Я стушеввалась и опять почувствовала, что краснею. Все-таки, хорошо, когда кожа смуглая, да еще и побелена сверху. Говоря заготовленные фразы, я все время смотрела на спинку сидения на уровне плеча принцессы. Теперь же я с трепетом подняла глаза и встретила искреннюю улыбку. Не смогла сдержаться и расплылась улыбкой в ответ.

— Пока богиня не соединит меня с избранным, Тилсим, — шепнула будущая царица. И я, наконец, смогла прервать молчание.

— Да будет так, о, Высокая! Феми услышала, и я приняла. Твоя судьба — моя судьба.

— Да будет так, — эхом откликнулась принцесса.

Прошло несколько дней, в течение которых я почти не виделась с Ерби. Ко мне приставили служанку — покорную и немного пугливую Шен. Мне казалось, что она даже к моей одежде прикасается с благоговением, а мысль о том, чтобы заговорить со мной пугает ее до немоты. Хотя однажды Шен все же осмелилась спросить:

— Да простит меня великая Тилсим за мою дерзость. Но... будет ли мне позволено узнать, на кого падает благодать Феми? То есть... — мне показалось, что девушка сейчас упадет без чувств, и я постаралась поддержать ее.

— Все хорошо, Шен. Ты можешь меня спросить.

— Я лишь хотела узнать, — возможно, мне лишь показалось, но темные глаза блеснули благодарно, — могу ли я рассчитывать, что маленькая частица благословения падет и на меня? Я ведь не обкраду Высокую, да будет ее правление подобно сиянию Солнца?

Я только улыбнулась, снимая надоевшие за день ритуальные браслеты.

— Я расскажу тебе, как выбирают воплощение. Есть несколько... знаков, по которым жрицы определяют новое воплощение богини Феми, — я постаралась припомнить все уроки, данные мне Анан, — Девочка должна родиться в семье, где царит любовь. Отец и мать обязательно должны жить друг с другом в согласии. После того, как рождается воплощение, в том городе или деревне, где она появляется на свет, счастливых пар становится все больше. А те, кто раньше был несчастен со своей половиной, начинают жить в согласии и любви. Дар Феми нельзя собрать в горсть и пролить на кого-то одного. Его можно направить. Но и тем, кто вокруг что-нибудь достанется. А ты влюблена в кого-то?

— Нет, — смутилась Шен, — но я очень хочу, чтобы меня полюбил хороший воин. Чтобы он защищал меня и взял в свой дом....

Кажется, моя служанка размечталась. Она даже слегка вздрогнула, когда дверь моей комнаты приоткрылась, впуская одну из служанок Высокой. Оказалось, принцесса ждала меня в своем саду. Она впервые желала поговорить со мной.

— Тебе нравится в моем дворце, Панья? — Ерби сдержанно качнула головой и улыбнулась. Струящееся золотистое стеллажи делало ее похожей на изваяние богини.

— Дда, Высокая, — мне все еще было неловко в ее присутствии, хотя теперь мы были одни в саду, залитом вечерним солнцем. Принцесса изъявила желание погулять в сопровождении своей Тилсим.

— Наедине я для тебя просто Ерби, поняла? — принцесса сорвала какой-то огромный желтый бутон и протянула его мне, — Да будет так, Тилсим?

— Да будет так, — я тоже улыбнулась.

— Скажи, Панья, а как это — быть воплощением богини? Ты что-нибудь особенное чувствуешь?

Я честно прислушалась к себе. Все было как всегда. Обычно. Мне даже стало неловко, что придется разочаровать Ерби.

— Нет...

— Странно. Я-то думала, воплощение должно чувствовать богиню, — слова принцессы были странными, если не крамольными, но кто я такая, чтобы спорить с Высокой.

Принцесса, размышляя о чем-то, остановилась у маленькой изящной дверцы, сделанной в высокой каменной ограде и почти укрытой вьюнами асагао. Где-то недалеко журчала вода, и в небе стоял непрерывный переливчатый гомон птиц. Дворец, казалось, отдыхал от полуденного зноя, тихо и величественно наблюдая за наступающими сумерками.

— А родные не пытались тебя спрятать от жриц? — Ерби смотрела на меня так, будто от моего ответа зависела чья-то жизнь.

— Ну..., — я даже немного опешила. Такой крамолы не позволил бы себе и сумасшедший, но Ерби не была сумасшедшей, она была принцессой, — это же служительницы богини. Кто посмеет им противиться? Правда, мама плакала, когда меня увозили. А папа сказал, что мне будет даже лучше в храме. Он правду сказал — Анан ко мне всегда хорошо относилась. Еды всегда было достаточно, и одежда там хорошая.

Ерби фыркнула.

— Ладно, пойдем, я тебе свой зверинец покажу.

В огромных клетках, иногда больше похожих на маленькие джунгли, обнесенные оградой, лежали, сидели и бродили разные животные. Кого-то я уже встречала, например, любопытных обезьян, глупых павлинов и крикливых попугаев. А кого-то видела впервые. Огромный пятнистый ан-маар, показавшийся мне свирепым, внушал страх даже по ту сторону прочной решетки, хотя лениво отдыхал на толстой ветви сейбы. А тонконогие мазамы так понравились, что от клетки не хотелось отходить.

— А вот это — любимые животные Феми, — принцесса махнула на клетку, показавшуюся сначала пустой. Только спустя пару минут я разглядела маленькие пятнистые шкурки и любопытные глаза. Шесть пар янтарных кошачьих глаз уставились на меня из тенистых кустов. Альмакры — маленькие дикие кошки. Любимцы Феми! При храме тоже жила пара этих зверят. Но они были откормлены и ленивы. Здешние же альмакры, до того прятавшиеся в зарослях, громко и хрипловато мяукая, выскочили к самым прутьям. Одни просунули острые мордочки наружу, продолжая чего-то громко требовать, другие с мурлыканьем принялись тереться о решетку.

Ерби со смехом достала кожаный мешочек и вынула оттуда кусочек вяленой рыбы. Альмакры принялись толкаться и оттеснять друг друга, мяукая еще сильнее.

— Где угодно почуют, — улыбаясь, Ерби бросила несколько кусочков за решетку. Кошки с урчанием и фырканием накинудились на угощение.

— Они голодные? — участливо спросила я.

— Что ты! Их кормят несколько раз в день. Просто рыба для них — особое лакомство. Хотя много им ее нельзя. Ну, как тебе мой зверинец?

— Он... великолепен, — мне и правда очень понравился маленький уголок с дикими животными в саду.

— Ну, это слишком. Ведь он совсем маленький. Но я им все равно горжусь. Когда я родилась, отец приказал собирать сюда зверей, а потом я выросла и сама просила ловцов привести какого-нибудь хищника. Пойдем, — Ерби схватила меня за руку и потащила прочь.

У входа во дворец нас ждал худой, лысый как коленка, старик, одетый в длинное стенхи изумрудного цвета и позолоченное оплечье.

— Смирненно прошу меня выслушать, о, Высокая.

— Что такое, Джибейд?

Старик недовольно покосился на меня.

— Оставь нас, Панья, — кивнула мне принцесса.

Я повиновалась, даже с некоторой радостью. Служители при Высоких казались мне скучными и недалекими. Есть ли радость в том, чтобы весь день слушать таких сморчков? Бедная Ерби! Я прошла сумрачным сводчатым коридором, где, охраняя

покой дворца Лилий, провожали меня бдительными взглядами суровые воины. Мимо спешили слуги и писцы. Чинно прошествовали, о чем-то беседуя, двое Служителей. Чтобы не встречаться с ними, я свернула в какой-то узкий коридор, приведший меня в тупик с открытой площадкой. Простые беленые стены покрывали сцены боев, пол был устлан сухим тростником.

На площадке в этот час было только два молодых воина. Один — старше на вид, и немного опытнее — закрывался копьём от атак второго. Как я поняла, они тренировались, хотя синяки на теле младшего показывали, что наука дается нелегко.

Голова старшего была полностью выбрита, младший же, видимо, не захотел расстаться с коротко стриженными черными волосами, сейчас больше похожими на мокрые колючки. Светлые стенхи едва прикрывали смуглые бедра бойцов, и я поспешила отвести взгляд, все равно успев покраснеть.

— Эй, как тебя зовут?!

Я снова повернулась к юношам. Оба они стояли, разглядывая меня, будто диковинный фрукт на базаре. Только тут я вспомнила, что забыла браслеты Тилсим в своей комнате. Мне почему-то захотелось немного подыграть случайному действию.

— Я — Панья. А вы кто такие?

Старший растянул рот в белозубой улыбке, а младший... младший смущенно отвел глаза. Ну прямо как я. Он ведь даже возраста моего, наверное.

— Мы воины Высокой. И равных нам нет. Или скоро не будет, — нагло ответил старший. — Меня зовут Золин, а это — Атсу. Ты ведь из новых? Служанка Высокой?

Мне стало смешно. Конечно, мое стенхи было простым, как и положено послушнице Феми, а браслеты Тилсим остались в комнате, но неужели эти юноши ни разу не видели меня? Или просто не помнили?

— А ты симпатичная, — не дожидаясь ответа, заявил Золин. — Ты мне нравишься. И могла бы...

Он шагнул вперед.

— Ч-что могла?... — вся моя уверенность улетучилась, стало страшно и я сделала робкий шаг назад.

— Могла бы... стать моей женщиной. А? Где ты еще найдешь такого воина?

— Нет! — Краска резко прилила к лицу. Я дернулась, как от удара, и отпрянула вглубь коридора, по которому пришла во дворик.

Атсу вдруг нырнул под рукой старшего товарища, молча загородив ему дорогу. Я поняла, что они сейчас подерутся, и теперь это будет не тренировка. Но остаться не смогла — испугалась. Просто развернулась и бросилась прочь. Пробежав еще несколько коридоров, я поняла, что не знаю, куда идти. Мозаичный пол везде повторял похожие сцены пиров и битв, стены освещались одинаковыми масляными светильниками, а воины в разговор не вступали. Несколько слуг пробежали мимо, но я не стала их останавливать. Забилась в какой-то закуток и, опустившись на корточки, и уткнув лицо в колени, заплакала. От обиды, отпущившего страха, собственной слабости, оказавшейся слишком явной вне стен храма.

Когда-то, почти в прошлой жизни, когда меня — пятилетнюю девчонку — только привезли в храм Феми, я точно так же заблудилась в переходах. Именно там, в одном из слабо освещенных закоулков храма, я встретила девочку, о которой никогда и никому не рассказывала. Ее звали Миу, пока она была жива. Жрицы Феми иногда ошибались, неверно принимая за воплощение обычных девочек. Домой эти несчастные так и не возвращались — их умерщвляли, чтобы не запятнать славы непогрешимых служительниц богини. Людям же говорили, что Тилсим Ахабба умерла от болезни, и лишь после этого поиски настоящего воплощения продолжались. Миу задушили во сне. Наверное, поэтому она не успела понять, что умерла, и не смогла, как все души, уйти в царство Мит. А я стала ее единственной подругой и слушательницей. Что же с ней будет теперь, когда я ушла из храма?

— Панья. Ты ведь Панья?

Я испуганно подняла глаза. Передо мной стоял уже немолодой мужчина. Полноватый, но не рыхлый, как иные толстяки. Мне казалось, я его уже видела в свите принцессы, но вспомнить среди других служителей не смогла. Одежда его не была особенно нарядной, как у остальных, но змея, выгравированная из серебра на простом плечье, говорила больше любых драгоценностей. Такие змеи были положены лишь высшим служителям царей. На смуглом лице темнели умные и, как мне показалось, добрые глаза.

— Я – Барути. Служитель-наставник Ерби. А ты — Тилсим?

Я только кивнула, чувствуя, что рада любому человеку, лишь бы был из плоти и крови. А уж если учесть, что человек, стоявший сейчас передо мной, был наставником Ерби, радовалась я вдвойне. Служитель Высокой не обидит ее Тилсим.

— Я так понимаю, ты еще не очень хорошо знаешь дворец лилий.

— Да, не очень, — я снова обрела дар речи.

— Почему же с тобой не следует твоя служанка? Шен, кажется?

— Высокая хотела поговорить со мной наедине, а потом я ушла и... заблудилась, — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла вялая и немного кривая.

— Что ж, надеюсь, великая Тилсим Ахабба позволит показать ей дорогу в ее комнату, — улыбнулся Барути.

Ну вот. Снова я покраснела. Великая Тилсим Ахабба....

Меня разбудили легкое прикосновение солнечного тепла и воркование голубей на открытой террасе, с которой был виден весь город. В храме я в это время уже шла на молитву Феми. Но здесь — совсем иное дело. Единственное, что требовалось от Тилсим Ахабба во дворце, просто быть рядом с Высокой. Я сладко потянулась, оперев ладони в прохладную стену с изображением серебряного альмакра, и откинула легкое покрывало.

Мое одеяние аккуратной стопкой лежало на маленьком стуле со смешными ножками-лапами, вырезанными из слоновой кости. В храме приучали к аккуратности и бережливости. Пока я еще спала, Шен принесла большую миску с водой для омовения. Одевшись и умывшись, я зажгла благовония в бронзовом даххане перед небольшой статуэткой Феми, закрыла глаза и произнесла знакомую с детства молитву. Теперь пора было идти в общий зал, где подавалась утренняя трапеза для Служителей и гостей дворца. Благо, туда дорогу мне показали еще вчера.

Зал был устроен на полуоткрытой террасе, отгороженной от сада лишь толстыми колоннами цвета песка. Вокруг стола и сидящих за ним людей прогуливались важные павлины, а по мозаичным желобам, огибающим зал полукружьем, струилась вода — небывалая роскошь для жаркого города Эйна.

Ерби в легком стелении цвета неба о чем-то шепталась с Барути. Когда я вошла, она светло улыбнулась и кивнула мне. Мое место находилось недалеко от сиденья Высокой, но нас разделяли целых три Служителя, один из которых казался таким тучным, что его можно было посчитать и за двоих. Поэтому пришлось опустить глаза к своей глиняной таба с кусочками отварного мяса в специях. В храме такой роскошью нас не баловали, хотя кормили хорошо.

— А почему мне не подали аасаль? — услышала я сердитый голос Ерби. — Разве я дитя? Почему мои служители могут пить то, чего нельзя мне?

Я подняла глаза и увидела недовольное лицо Высокой.

— Служитель Джибейд, прикажи слугам подать мне аасаль.

Испуганный старичок, которого я видела вчера в саду, поспешно поднялся.

— Н-но, Высокая, он вреден... — промямлил Джибейд, пытаясь, видимо, придумать, как бы не выполнять глупую прихоть.

— О, Великий Шма! Зачем же вы сами пьете то, что так вредно? — взгляд принцессы был суров, но голос звенел от сдерживаемого смеха. Несчастный Джибейд даже побледнел. Аасаль пили знатные мужчины и женщины, чтобы отдохнуть от забот. Он дурманил и развязывал языки, вызывая странные размытые видения. Однако, к нему многие привыкали, тратя порой все деньги на этот дорогой напиток. Анан рассказывала, что когда-то давно аасаль пили только жрецы, обращаясь к своим богам. Но потом секрет его изготовления попал к одному из царей, и тот повелел сделать напиток общедоступным.

— Покорнейше прошу простить, что тревожу вас, Высокая, — со своего места поднялся и Барути, — однако, я хотел бы ответить за почтенного Служителя Джибейда. Аасаль вреден не сам по себе, а своими... побочными действиями. То, что к нему привыкают, думаю, вы знаете и сами. Но, знакомы ли вы с женщинами, пьющими его очень часто? Я видел их — в них мало осталось от женщин. Исчезла красота, огрубело лицо, а у некоторых даже появились бороды.

Я слушала Барути с немим удивлением. Конечно, частое употребление аасала

не считалось хорошим тоном среди женщин, но чтобы борода.... Несколько томительных секунд царило молчание. А потом Ерби вдруг рассмеялась.

— Хорошо. Не желаю быть бородатой. Даже если мой наставник рассказал мне сказку, все равно не стану испытывать богов. Вы можете продолжить трапезу, Служители.

Джибейд, шумно перевел дух и поспешно опустился на свое место. Барути с улыбкой поклонился принцессе и тоже сел за стол.

После утренней трапезы я хотела подойти к Высокой, но ее снова отвлекли, и я подумала, что неплохо было бы спуститься в сад и посидеть у искусственного пруда в тени акаций. Идя по внутренней галерее, я увидела вчерашнего молодого воина. Атсу, кажется. Он стоял прямо, с копьём стража в руке, и в набедренной схенти с золотым ан-мааром на ней. Но всю красоту портит здоровый синяк под глазом. Мне стало жаль юношу, который заступился за меня, и я подошла поближе.

— Атсу?

Он скосил на меня здоровый глаз, и, кажется, сразу смутился.

— Не бойся. Я лишь хотела поблагодарить тебя за то, что ты так храбро за меня вступился вчера, даже не зная, кто я такая.

Сначала казалось, что он ничего мне не ответит, ведь сегодня перед ним стояла воплощенная Феми, а не простая служанка, но потом, вдруг, потупившись, Атсу произнес:

— Благодарю тебя, великая Тилсим Ахабба. Я лишь поступил так, как должно поступать честному воину.

— Ты... поступил хорошо, — я тоже почувствовала неловкость, — и... ты показался мне хорошим человеком.

Странно. Я ведь хотела только поблагодарить юношу, и уйти, но, вдруг отчего-то расхотелось. Нужно было сказать что-то еще, но слова будто застряли в горле, и я лишь смущенно рассматривала мозаичный пол под ногами.

— Пожалуйста, прости Золина, великая Тилсим, он не хотел ничего дурного, просто... просто ты так красива, что у него, видно, в голове помутилось.

Я подняла голову, и, встретившись взглядом с карими глазами Атсу, вспыхнула. Плохо соображая, что делаю, я повернулась, и быстро пошла прочь. Сердце приказывало остаться, но разум гнал меня дальше. Я не могу. Не должна. Тилсим Ахабба не может любить мужчину. Ведь если она потеряет свою девичью чистоту, то богиня покинет ее. И тогда придется умертвить опустевшее воплощение. Потому что оно бесполезно, но, пока жива прежняя Тилсим, новой не будет. А вместе с опороченной девушкой убьют и того, кто посягнул на воплощение. О, Великий Шма, что же мне делать?!

Я так испугалась нового, неведомого до сих пор чувства, что гуляла в саду до вечера. Почувствовав голод, сорвала пару кислых маленьких яблок, росших на ветках коротеньких яблонь в глубине сада. Я боялась подняться в общий зал только оттого, что знала — мне снова придется идти мимо того места, где, может быть, еще стоит воин Атсу. А я просто не могла.

Целую неделю после этого я не видела Атсу, хотя несколько раз столкнулась в коридорах с Золином. Я старалась не думать о молодом воине, но он не желал уходить из моих мыслей, и даже из моих снов. Шен глядела на меня с сочувствием, правда говорить ничего не осмеливалась. Зато принцесса стала встречаться со мной чаще. Она несколько раз брала меня с собой в город, мы гуляли в саду, играли с альмакрами. Может, мне только казалось, но ей, наверное, не хватало тепла, и чем-то она походила на мою Миу. Постепенно она почти заменила мне сестер, оставшихся в горной деревне, ни одну из которых я теперь не знала.

Дворцовый сад стал для меня особым местом. Местом, где было спокойно и хорошо. Там я и сегодня провела весь день.

Вечером же, меня нашла Ерби.

— Что ты здесь делаешь? — грозно хмурила брови Высокая. — Ты сегодня даже на вечерней трапезе не была.

— Прошу меня простить, Высокая, — я потупилась, понимая, что из-за собственной прихоти нарушила обязательства Тилсим, — я совсем не почувствовала, как пролетело время в этом прекрасном саду. Да я и не голодна совсем.

Как всегда, в нужную минуту, живот заурчал, выдавая завравшуюся хозяйку.

Ерби перестала хмуриться и рассмеялась. Все-таки, она была удивительно доброй — моя Высокая.

— Слышу я, как ты не голодна. Пойдем на кухню. Слуги уже отпущены отдыхать. Но еда еще должна остаться.

Я только кивнула, и мы отправились туда, где я раньше не бывала. Небольшие жаровни с потушенными углями стояли несколькими рядами в небольшом, но длинном помещении. А за ними виднелась большая глиняная печь без дымохода. Стены были черны от копоти, а на нескольких длинных столах лежали хлеб, фрукты, полосы вяленого мяса. Стояли глиняные горшки и сосуды.

— Так. Возьмем это, и это, и еще вот это, — Ерби сгребала со столов столько, что этим можно было накормить небольшую армию. Вся еда укладывалась в плетеную тростниковую корзинку.

В нишах, выбитых прямо в стене, стояли ряды глиняных кувшинчиков с залитыми воском горлышками. Ерби взяла и один из них, хотя под нишей я успела разглядеть знак пчелы, обычно означавший, что здесь хранится аасаль.

— Высокая... — принцесса посмотрела на меня с осуждением, и я поправилась. — Ерби, это же аасаль.

— Я знаю. Мы не будем много. Просто... просто сегодня мне можно.

На сей раз я промолчала. Так, в молчании, мы и дошли до покоев Высокой. Что и говорить. Если моя комната во дворце казалась мне сказочно прекрасной, то комната Ерби напоминала жилище богини — столько пространства, ярких красок и драгоценной утвари я не видела еще нигде. Посреди всего этого великолепия стояла огромная кровать на львиных ножках, закрытая газовым пологом. О чем-то ворковал маленький фонтан, устроенный прямо в полу, а в клетках у дальней стены щебетали разноцветные попугайчики. У меня так захватило дух, что я, как вкопанная, остановилась на пороге.

— Ну, что замерла? Нравится? — принцесса лукаво глянула на меня в пол оборота.

— О-очень...

— А когда я приглашаю музыкантов, здесь становится, словно в диковинном сне. И я чувствую себя почти что равной богам. Только об этом — тсс...

Ерби отвела меня к столику из черного дерева и слоновой кости и принялась раскладывать принесенную с кухни снедь. Потом указала мне на короткую скамеечку рядом со столом.

— Садись и ешь.

Я покорно устроилась на скамье, и принялась за еду. Тем более, что была и правда голодна. А Ерби взялась расковыривать восковую пробку на кувшине с аасалем.

— У меня в этот день умер отец. Мать я совсем не помню. Она умерла, когда я издала свой первый крик. А отец почти не виделся со мной. Но он был добр ко мне, и я чувствовала, что он и правда любит меня. А потом он умер. Его ан-маар порвал на охоте. И я осталась одна.

Ерби, наконец, справилась с пробкой. А я сидела, как оглушенная. Ведь Высокая и правда совсем одна. Мне сразу показались мелкими все мои страдания.

— Ты чего не ешь? — строго поглядела на меня Ерби.

— Мне... мне так жаль, что ты одна. Но ты лучше не пей. Я... знаешь что, я обещаю, что мы найдем тебе самого-самого лучшего жениха, который только есть на всем белом свете!

Ерби перевела взгляд с меня на кувшин, который держала в руках. А потом, вдруг вылила все его содержимое прямо в миску с ароматическими маслами, стоявшую на миниатюрном столике. Подошла ко мне и обняла, пахнув в лицо легким ароматом жасмина.

— Панья, спасибо тебе, — когда принцесса отстранилась, глаза у нее были мокрыми, — у меня никогда не было подруг или сестер. Но ты мне почти как сестра. Скажи, может ты чего-то хочешь? Проси у меня все, что угодно.

Я только шмыгнула носом и покачала головой. Что мне может быть нужно? Разве только, чтобы мои друзья были счастливы.

Мое внимание вдруг привлекло странное золотистое зарево за спиной Ерби.

— Что это? — я указала туда.

Ерби обернулась и тихонько ахнула. Масло в миске светилось.

— Я знала, что аасаль добавляют в масла, чтобы кожа слегка мерцала, но что оно может так светиться, вижу впервые, — удивленно произнесла Высокая, подходя к миске и зачерпывая масло пальцем. Палец теперь тоже светился, словно Ерби окунула его в жидкое золото или достала кусочек солнца.

Правда, через несколько минут масло светиться перестало. А мы с Ерби еще долго говорили о разных вещах — о других странах и их правителях, о моем даре, о свойствах аасаля. Когда же я пошла к себе, еще несколько ночных часов я потратила на горячую молитву Феми. О том, чтобы Ерби достался самый замечательный жених, о каком только можно мечтать.

Спустя два дня утром дворец гудел, словно потревоженный улей. Оказывается, я проспала новость — правитель соседней области Кемет прислал к Ерби роскошные дары и предложение стать женой его младшего сына Менеса, который как раз был на два года старше. Судачили, что он красив и умен, косились на меня, мол, помогла Тилсим Ахабба. А я даже не знала — радоваться мне или плакать. Ведь и правда, получается, помогла. Но чтобы так быстро.... Я усомнилась в том, моя ли это помощь, только нам ли оспаривать решения богов. Феми — мудра. Она знает, когда и как должна прийти любовь к тем, кто ее ждет.

— Панья! — Ерби остановила меня на выходе из трапезной. — Ведь ты уже знаешь?

— Да, Высокая, — при других обитателях дворца я не осмеливалась называть ее по имени. Шен, сопровождавшая меня сегодня, и несколько Служителей из свиты принцессы, повинувшись ее жесту, оставили нас одних.

— Ведь это ты?

— Я... я не знаю, Ерби, — растерянно покачала я головой. Я не могла врать почти сестре. Впрочем, не знаю, смогла бы я соврать кому-то другому.

— Это так похоже на благословение, — принцесса легко подтолкнула меня к террасе, где не было слуг и охраны. — Когда я была совсем ребенком, правитель Кемета прибыл в Эйну со своей свитой и двумя детьми. Пока отец говорил с ним, я заметила во дворе мальчика чуть старше меня. Это был Менес — он прятался от няньки. Мы почти весь день играли в зверинце, а когда ему пора было идти к своему отцу, он... пообещал... что я стану его женой. Менес тоже нравился мне. Это было красиво, но глупо, ведь мы были очень малы. А теперь... оказывается, он помнил все эти годы.

— Я знала, что Феми обязательно подарит тебе самую счастливую любовь. Я очень рада за тебя.

— А я благодарна, — Ерби легонько сжала мои ладони в своих. — Я уверена, что все это произошло потому, что ты желала мне добра. Я ведь помню, что ты сказала в тот вечер. Мы обязательно еще поговорим с тобой, но теперь мне нужно идти.

Чтобы избежать взглядов сплетников, я укрылась в полюбившемся мне саду. Впрочем, куда бы я еще могла пойти? Не сидеть же истуканом в своей комнате. А Ерби сейчас не до меня. У нее послы с дарами и служители с пожеланиями удачного замужества. А затем еще нужно объехать все храмы, которых в Эйне без малого восемь, и лично возблагодарить богов.

Я спустилась к пруду. Больше для того, чтобы попрощаться, чем насладиться его прохладой. Ведь, не успев пожить во дворце Лилий, я вернусь в знакомый с детства храм Феми. А потом, возможно, побываю в домах многих знатных невест Эйны. Ну, есть в этом и хорошее — Миу не останется больше одна. А Ерби.... У Ерби теперь будет мужчина, который станет ее защитником и другом. Уж в этом Феми можно верить.

Мои мысли были прерваны самым непростительным образом. Кто-то бросил камешек в пруд, и я даже вздрогнула от неожиданности. Обернувшись, я увидела Золина и Атсу, прятавшихся в тени акаций у стены дворца. Сердце мое забилося, словно птица в клетке — сперва от радости, потом от тревоги. Если кто-нибудь их здесь увидит, будет беда. Я поднялась с твердым намерением выдворить молодых воинов из сада принцессы. Но Золин заговорил первым. Он улыбался так же широко, как в первую нашу встречу, но в глазах таилось беспокойство и что-то еще, чего я не смогла уловить.

— Прощу, прости меня, великая Тилсим Ахабба. Боюсь, в первую нашу встречу меня попутал Темный Онна.

Всегда так. Подшутил над кем-то — Темный Онна виноват, не иначе. Обидел — тоже он, пакостник. Стражник царства Мит. Скучно ему на своем посту, вот и толкает людей на глупости. Я улыбнулась, но кивнула серьезно.

— Я не держу зла, Золин.

— Вот и хорошо, — еще шире расплылся в улыбке старший воин. — Я чего пришел. Привел одного товарища, который ни есть, ни пить не может. Может статься,

великая Тилсим сможет ему помочь?

Мне стало душно. И... страшно.

— Золин! — Атсу шагнул к товарищу. — Ты пришел просить прощения у Тилсим.

— Ну, нет. Она там или не Она, а помереть другу я не дам. Он любит тебя, великая Тилсим Ахабба. Неужели не видишь? Разве он обидел тебя своей любовью?

Атсу попытался было утащить старшего товарища из сада. Но тот словно к месту прирос. И я не могла пошевелиться.

— Даже если так, — наконец, тихо произнесла я, — что я могу? Эта любовь запретна. Если я... если мы... нас просто убьют.

Золин с силой толкнул Атсу ко мне, и тот рухнул на колени. Поднял на меня запавшие глаза.

— Панья, — я вздрогнула, не вспомнив сперва откуда он может знать мое имя, — я готов бежать с тобой.

— Куда? — язык не слушался, а на глаза наворачивались слезы.

— Хоть в Кемет, хоть в Урт, хоть на край света. Прости, если обидел, или сделал что-то не так. Если... если ты не хочешь или не сможешь бежать со мной, я... я приму достойную воина смерть, чтобы смыть с тебя пятно недостойной любви.

— Не надо! — я опустила рядом. — Атсу, не нужно, прошу тебя. Живи. Только, вместе нам не быть. Я — Тилсим Ахабба. Воплощение. И не могу стать обычной девушкой. Храм этого не допустит. Нас поймают и предадут смерти.

Я чувствовала — еще чуть-чуть. Немного ближе. И мне станет все равно, убьют ли меня после. Но сейчас я не могла позволить полюбившему меня воину шагнуть в царство Мит. Я заставила себя подняться.

— Вы напрасно пришли сюда, Золин. Я прошу, оставьте меня одну.

Атсу тоже поднялся, и прямо, не глядя на меня, вышел из сада. Следом, покачав головой, поплелся Золин. Теперь меня, наверное, возненавидят. И правильно. Нельзя меня любить. Хорошо лишь одно — сад принцессы был местом уединения, здесь мало кто мог бы нас подслушать или увидеть. А в эту пору здесь не было даже слуг, приглядывающих за садом и зверинцем.

Я прорыдала у пруда полдня. А когда не осталось больше сил плакать, просто лежала в мелкой траве у воды, опустив горячие ладони в прохладные струи. Солнце нещадно пекло, и акация уже не защищала от его палящих лучей, но мне было все равно.

— Лежишь? Вредина, — как подошла Ерби, я не заметила. — Так и знала, что ты опять здесь. Ну за каким Онной ты мне так быстро жениха нашла? Мы же только подружились. То есть, я, конечно, благодарна, но Менес мог бы подождать и еще немного.

Я повернулась к Высокой. В глазах снова предательски защипало.

— Феми знает, когда приходит черед каждого человека, — последнее слова я произнесла уже сквозь слезы.

— Что... что такое? — принцесса обеспокоенно опустила рядом. — Я не стану тебя прогонять, не бойся. И храму заплачу, если нужно.

Я не выдержала. Ну не могла я промолчать. И пусть меня после этого убьют, если Ерби скажет жрицам. Пусть. Я все рассказала. И про Атсу, и про его дерзкую просьбу бежать с ним, и про то, что я не могла это сделать, хотя Ерби и так, наверное, знала. Она выслушала молча, не перебивая. Только обняла в конце. А потом посмотрела на меня весело и хитро.

— Ничего. Феми не обидит влюбленных. Она же богиня любви, правда?

В зал церемоний набралось столько людей, сколько, наверное, не было и на храмовых площадях в праздник Урожая. Жрецы и жрицы из всех восьми храмов Эйны, служители дворца, знатные семьи, воины. Мне не было до них дела. Я готовился к последнему в своей жизни бою. Я собирался идти в пустынные земли к югу от Кемета, где, по слухам, обитали дикие племена-людоеды. Золин неодобрительно молчал, пока я собирал нехитрый скарб, но не останавливал. Я знал, что меня будут искать. Ведь я не мог перестать быть воином принцессы. Меня клеймят трусом, и убьют, если найдут, но мне было все равно. Совсем не вовремя нас призвали во дворец. Но Высокая хотела, чтобы как можно больше людей присутствовали при ее

ответе послам Кемета. Хорошего жениха ей послала богиня. Благодаря Тилсим... Благодаря Панье. Я закрыл глаза и постарался забыть, прогнать образ девушки, без которой не мог жить. Но стало только хуже — я увидел ее еще четче. Огромные черные глаза на темно-оливковой коже, к которой так хочется прикоснуться. Пришлось открыть глаза. Снова зарябило от обилия красок и цветов. Вечерние тени скрывали многое, но масляные светильники разгоняли сумрак. Мы с Золином, как и другие воины, стояли позади всех и поверх голов вряд ли что-то увидели бы, если бы не декоративные выступы с пилястрами.

Сперва к Высокой вышли послы Кемета, возложив к ее ногам дары — ткани, золотые и серебряные статуэтки, ларцы из черного дерева и слоновой кости с искусной резьбой и драгоценными камнями, сосуды с лучшим аасалем. Принцесса многословно поблагодарила их и просила ответить принцу Кемета, что она согласна стать его женой и ждет его в Эйне для церемонии сочетания. Послы, получив ответные дары, сообщили, что сразу же двинутся в обратный путь, дабы обрадовать своего правителя радостной вестью. Казалось, теперь церемония должна, наконец, закончиться. Но Высокая легко махнула рукой, и по залу пошли слуги с чашами на подносах. Десятки слуг, и сотни, сотни чаш.

— Я желаю, чтобы все, кто пришел сегодня во дворец лилий, и в этот зал, выпили во имя благодарности Феми, и за то, чтобы дорога принца Менеса в Эйну была легкой и скорой.

Все, так все. Мне и так хотелось истратить всё, что мне давали на починку оружия и одежды, на аасаль, и напиться так, чтобы забыть даже имя отвергшей меня. Чаша — это немного. Но, может, хоть как-то поможет. Тем более, что по желанию некоторых гостей слуги приносили им по две и больше чаш. Аасаль обжег горло медовой пряной сладостью, и за какие-то мгновенья мир преобразился. Зал окрасился ярким мерцанием, превращая стены и мозаику в нечто воздушное, бархатное, текучее, словно золотой песок. Люди стали походить на небесных служителей Шма. Таких же легких, красивых, недосягаемых.

Но легче и красивее всех была та, которая вошла в зал только сейчас.

— Я хочу поблагодарить тебя, Тилсим Ахабба, — словно издали услышал я голос Высокой, — за то, что ты просила богиню Феми за меня. И за то, что твоя легкая молитва помогла так скоро найти мне достойного мужа.

— Не меня нужно благодарить, Высокая, — как же я люблю этот голос.

Панья вдруг осеклась, опустила голову, и... засветилась. Такого сияния я не видел раньше нигде. Даже солнце, казалось, слепило меньше. Снова посмотрев на принцессу, она произнесла:

— Я рада, что помогла тебе, Ерби, принцесса Эйны, — и голос, этот голос не принадлежал Панье, — но и у меня есть... предложение. Когда-то давно я подарила людям свое воплощение.

Из-за большого сиденья Высокой, хрипловато мяукая и толкаясь, выбежали шестеро альмакров. Их полосатые спинки казались чужеродными на ярком мозаичном полу. Кошки окружили девушку в центре зала, и принялись с урчанием тереться о подол длинного схенти.

— Феми. Это Феми, — прокатилось шурушание голосов по залу. Прокатилось и смолкло.

— И теперь, — продолжала Панья. Или нет, Паньи сейчас не было. Была Феми, — я вижу, что совершила ошибку. Я подарила людям воплощения для радости, но не для горя. А вы, словно диких зверей, сажаете их в золотые клетки. Хуже. Вы забираете радость у тех, кто не может за нее платить. И убиваете девочек, в которых по ошибке видели воплощение. Я не за этим дарю людям любовь. И этим вы сильно прогневили меня.

Кто-то в зале сдавленно охнул. Несколько немолодых жриц из храма Феми рухнули на колени. А богиня, словно не видя их, продолжала.

— И теперь я пришла, чтобы предложить вам выбор: или вы даете свободу всем моим воплощениям. Свободу приносить счастье другим или самим быть счастливыми. Свободу от ваших золотых клеток. Или я забираю свои дары без возврата.

Повисла тишина, но продолжалась она не долго. Высокая поднялась со своего золоченного сиденья, но лишь для того, чтобы опуститься на колени.

— Прошу простить нас, о Феми! Мы были глупы и в своей гордыне забыли, что Тилсим — это часть тебя. И что ты принесла нам великий Дар любви.

По всему залу, шуруша схенти и позвякивая украшениями, люди опускались на колени, и вскоре стоять осталась лишь Феми. Прекрасная, как сама любовь. Вот только для меня она была не так прекрасна, как та, которую я любил.

— Я клянусь, и это подтвердят все собравшиеся здесь, что отныне ни одно твоё воплощение не будет заперто в храме ли, во дворце ли. И отныне все Тилсим от рождения и до смерти вольны делать то, что посчитают нужным, не выходя, однако, за грань установленных богами правил. Никто и ни к чему более их не принудит.

Свечение погасло так же внезапно, как и началось. Альмакры не спешили уходить, но и не проявляли теперь такого интереса к Панье, а девушка с тихим вздохом упала на пол и больше не шевелилась.

Если бы не Золин, я побежал бы к ней даже по спинам впередистоящих. Неважно кого — знати, служителей, жрецов. И только крепкая хватка друга удержала меня на месте.

— Прошу меня простить, Высокая, могу ли я войти?

— Да, Барути.

Кажется, я действительно потеряла сознание. Будто вот только что была в зале церемоний и уже в комнатах Ерби, лежу на чем-то мягком, и где-то высоко плывет беленый свод.

— Ерби, позвольте узнать старому учителю, кто все это придумал?

Ерби молчала недолго.

— Я, — произнесла с вызовом, словно перед казнью.

— Тогда, позвольте мне еще спросить.

— Спрашивай, — голос Ерби стал мягче.

— Я знаю про свойства аасалья, и могу понять, почему нам всем Панья казалась богиней. Я даже представляю, как вы заставили альмакров выйти в полный людей зал и подойти к Тилсим, но голос. Как вам удалось изменить голос?

— Не знаю, — призналась принцесса. — Я сама немного удивилась. Все же мы пили аасаль. Но... Барути, теперь ты должен молчать.

— Понимаю.

Ерби рассмеялась облегченно и радостно, и принялась рассказывать, как мы устроили, чтобы всем казалось, будто в зал дворца лилий пришла сама Феми. А я... я вспомнила, как едва успела развязать кожаный мешочек с вяленой рыбой, учуяв которую, альмакры должны были выбежать ко мне из маленькой потайной комнаты. Как мне стало сперва холодно, а потом — нестерпимо жарко. И меня саму словно отодвинул, загородил кто-то большой и невероятно сильный. Вернее... сильная. Я впервые ощущала богиню по-настоящему, не через молитву или в воображении, а физически. Мне казалось, что внутри поселилось огромное солнце, греющее и щекоцущее душу своими тонкими лучиками.

Я не могла произнести ни слова. Только смотрела. За меня говорила Феми. И это именно к ней выбежали восторженно мяукающие альмакры. Может, мне это только казалось, но я словно ощущала то, что чувствовала богиня. И, кажется, она чувствовала себя... виноватой. Богини не оправдываются, но ей было больно оттого, что её воплощения так долго терпели свою клетку, не прося о помощи, отчего ей не слышны были их слезы и страдания. Она пришла помочь дерзнувшим. И хотя теперь внутри была странная пустота, маленький солнечный лепесток, то ли забытый, то ли оставленный Феми, приятно согревал мне сердце.

— Придуманно умно, Высокая. Однако, вы не боитесь, что такое своеволие может прогневить богиню?

— Не боюсь, — я чувствовала по голосу, что Ерби улыбается, — она же богиня любви. Она поймет.

«Психология и практика уличной схватки» Михаила Диденко

Маленькая оранжевая книжечка издательства «Профит стайл», специализирующегося на популярной литературе о боевых искусствах, с фото двух оцетинившихся котов на обложке. Всего тысяча экземпляров. Первый шаг в литературу. То, к чему стремится всякий начинающий автор, для которого попасть в печать, как он часто думает — это конец пути, а на самом деле только начало. Первое издание — преддверие жизненного экзамена, который предстоит сдать состоявшемуся автору: кто ты и с чем ты пришел в литературу?

И сегодня я предлагаю нашим читателям стать свидетелями того, как на полках книжных магазинов появилась самобытная книга и пронаблюдать, какая судьба ее ждет. Прошу обратить внимание на слово «самобытная». Из всего синонимического ряда — особенная, необычная, оригинальная, своеобразная — ей больше подходит именно слово «самобытная». Смею вам представить «Психологию и практику уличной схватки» Михаила Диденко.

Почему ее стоит назвать именно самобытной? Казалось бы, не стоит впадать в пафос, выбирать столь редко встречающееся слово и ограничиться в чем-то банальным, но надежным определении «оригинальная»? Да, ее на первый взгляд можно назвать и так из-за оригинальности ее темы. Перефразируя классика, высказавшегося о публике, мы отметим, что

читатель любит, чтобы его удивляли, но удивляли чем-то привычным. Начинающие, да и не только начинающие, авторы ломают голову, как бы найти тему, которая была бы жизненной и экзотической одновременно, чтобы она могла впечатлить читателя новизной, но при этом не оттолкнула чуждостью и экстравагантностью. Победителями в поисках тем становятся те, кто может заставить читателя увидеть «необычное в обычном». И это еще полдела. Автор должен доказать читателю, что ему еще и нужно это необычное знать.

И Михаил Диденко пишет книгу о повсеместно известном явлении, с которым сталкивался хоть раз любой городской житель: об опасности, которая может подстергать на улице любого одинокого прохожего со стороны «гопникус вульгарис», как их шутя называет автор. Казалось бы, вот явление, которое нам вроде бы знакомо, оно вот, рядом, за окном, на наших беспокойных городских улицах, но, если мы хоть на минуту задумаемся, то поймем, что ничего об этом явлении не знаем. Не знаем потому, что естественным образом хотим оградиться от «гопнической» среды, но столкновение с ней, как с тем, что является частью нашей жизни, порой происходит неизбежно.

Написаны горы научной и научно-популярной литературы о том, как строить отношения в семье, на работе, под микроскопами психологии и антропологии рассматриваются разновидности конфликтов, полно практических руководств об их разрешении, но нет и пары строк о том, что предпринимать при столкновении с так называемыми примитивными психологическими группами, к которым причисляют «самую низкую в преступной иерархии прослойку, но при этом опасную для обычных прохожих», то есть тех, кого в народе принято называть гопниками.

Фактически Михаил Диденко пишет не на полях научно-популярной литературы, как это делают те, кто высасывает темы из пальца, а на чистых просторных листах о теме, за которую никто еще толком не брался. Так что звание оригинальной его книга вполне бы заслужила, если бы не обладала еще некоторыми... особенностями, за которые ее и можно было бы назвать простым, но емким словом — особенной.

Что значит особенной, из ряда вон выходящей? На это звание претендует книга, посягающая на отказ от некоторых жизненных стереотипов. Читатель благодарен автору, когда тот помогает избавляться от шаблонного мышления, но не позволяет бить по основам своего мировоззрения. Побеждает тот автор, который освобождает читателя от стереотипов, отживших свое и вошедших в противоречие с личными жизненными наблюдениями читателя. И Михаил Диденко берет эту высоту. В своей книге он решается коснуться громоздкого отвлеченного от жизни понятия, которое оказывает с малых лет давление на психику мужчины и от того еще и

доставляет немало неприятностей женщинам: навязываемый массовой культурой и двойной моралью образ «настоящего мужика». Мало кто из представителей мужского пола может в открытую признаться в том, как ему надоел этот образ, на который, как на новогоднюю елку, всякий, кто желает им манипулировать, навешивает какую угодно мишуру, в основном состоящую из слишком умозрительных понятий и требований, что и кому этот настоящий мужчина «должен». А «должен» тем, кто манипулирует этим понятием, больше, чем себе или своим близким.

Порой этим понятием пытаются оправдать в мужчине недостатки, а то и поступки, мешающие жить ему самому и окружающим его людям.

«Там, где вырождается культура, появляется культ», как сказал классик. Это выражение было бы непонятным, если бы его, скажем, нельзя было применить к такому культивируемому понятию, как «мужская дружба». Приходится признать, что понятие, как бы ни было оно красиво, взято не из нашей эпохи, а из той, когда от дружеской сплоченности многое зависело, в том числе физическое и даже духовное выживание человека. Сейчас же многие современные люди из своего собственного опыта могут поделиться соображениями о том, что совместное пребывание людей заставляет их либо вместе развиваться, либо вместе деградировать. И если раньше понятие мужской дружбы окультуривали, как и все то, что человек считает полезным и берет на вооружение, то сейчас стоит признать, что оно чаще встречается в виде культа, в жертву которому и приносят «настоящего мужика», и слепое следование старым понятиям не всегда идет на пользу.

Прошу заметить, что судьба книги штука непредсказуемая. Несмотря на то, что Михаил не без иронии рассуждает в ней о противоположном поле, он становится защитником интересов современной женщины. Вряд ли он себе ставил эту цель, скорее всего, она стала сопровождающей в его книге. Сколько неприятностей доставляет женщинам так называемая «мужская дружба», когда под влиянием «друзей» и стереотипов «святости культа» мужской дружбы мужчина разрушает жизнь себе и портит отношения! Так что хоть прямая цель книги это воспитание мужчины, женщина не менее может быть заинтересована в ее существовании.

На Западе довольно осторожно начинают рассуждать о том, что следует избавляться от псевдодрузей, которые тянут тебя вниз. Даже для людей запада, индивидуалистов, эта тема болезненна, и не столь явно проскальзывает в фильмах по психоанализу, например («Быть Эрикой») или подана в виде стеба в фильме «Третий лишний». И Михаил обращает внимание о том, что Запад ностальгирует по этой теме, несмотря на необходимость идти в ногу со временем. Что говорить о нашей российской читательской аудитории, которая и вовсе может воспринять эту тему в штыки?

Однако в своей книге Михаил смог доходчиво, кратко и просто объяснить, что каждой эпохе свои идеалы.

Наши читатели, конечно, уже сейчас начинают догадываться, что впору говорить не только об оригинальности или особенности книги, но и о ее своеобразии. Казалось бы, она должна затронуть лишь узкий вопрос самообороны, рассказать о конкретной задаче, как отбиться от уличных раздолбаев, а книга еще и касается особенностей мировоззрения нашего современника в целом. Можно ли говорить после этого о своеобразии книги? Да. Она своеобразна тем, что универсальна и направлена не на то, чтобы быть перечнем приемов самообороны, а стать началом внутренней работы над собой. Той самой работы, которая поможет не только справиться с экстремальными ситуациями на улице, но и предотвратить попадания в них.

Сколько существует пособий, где с помощью хороших фотографий поставлены неосуществимые для несведущего человека приемы против агрессора. Как бы ни были хороши фотоснимки, подобные пособия обречены быть лишь вспомогательным материалом для тренеров, да и то вряд ли. Для простого читателя подобные книги могут быть бессмысленным библиотечным запасом, который, вопреки поговорке, может только тянуть карман.

«Психология и практика уличной схватки» своеобразна тем, что действительно полезна. Не как справочник о приемах боя, а как пособие, которое настраивает читателя не теряться в экстремальных ситуациях.

И все же единственно верное определение книги это не своеобразие, а самобытность. Да, она затрагивает тему, о которой стоит говорить, и о которой мало кто говорит. Да, она широко рассматривает не саму проблему, а пути ее решения, да, она по-настоящему полезна, но в ней есть кое-что еще. И это — личность автора.

Всегда интересно быть свидетелем того, как появился новый самобытный автор. Читая его, вспоминаешь рассуждения Леонардо да Винчи о тех художниках, которые учатся у природы, «учительницы учителей», а не в мастерской, и становятся в своем деле первооткрывателями. Так, книги, в которых содержатся теоретические суждения, часто

бывают сухи и скучны, когда их пишет человек, который всю жизнь занимался лишь теорией, все более и более отрывающейся от жизни. Но какой может быть книга, в которой каждое слово почерпнуто из жизни, написанная автором, который учился у самой жизни, и который стремится передать то, что наблюдал сам! Некоторые моменты в книге будут спорными, высказывания автора резкими и категоричными, но они тем хороши, что они конкретны и лишены обманчивого плюрализма, который больше опасен в авторе для читателя, чем авторские заблуждения или ошибки. Читая книгу, можно найти в ней вещи, с которыми можно и не согласиться, но твердость убеждений автора внушает уважение.

Сочинитель и разбойник

В жилище мрачное теней
 На суд предстали пред судьей
 В один и тот же час: Грабитель
 (Он по большим дорогам разбивал,
 И в петлю, наконец, попал);
 Другой был славою покрытый Сочинитель:
 Он тонкий разливал в своих твореньях яд,
 Вселял безверие, укоренял разврат,
 Был, как Сирена, сладкогласен,
 И, как Сирена, был опасен.
 В аду обряд судебный скор;
 Нет проволочек бесполезных:
 В минуту сделан приговор.
 На страшных двух цепях железных
 Повешены больших чугунных два котла:
 В них виноватых рассадили,
 Дров под Разбойника большой костер взвалили;
 Сама Мегера их зажгла
 И развела такой ужасный пламень,
 Что трескаться стал в сводах адских камень.
 Суд к Сочинителю, казалось, был не строг;
 Под ним сперва чуть тлелся огонек;
 Но там, чем далее, тем боле разгорался.
 Вот веки протекли, огонь не унимался.
 Уж под Разбойником давно костер погас:
 Под Сочинителем он злей с часу на час.
 Не видя облегченья,
 Писатель, наконец, кричит среди мученья,
 Что справедливости в богах нимало нет;
 Что славой он наполнил свет
 И ежели писал немножко вольно,
 То слишком уж за то наказан больно;
 Что он не думал быть Разбойника грешней.
 Тут перед ним, во всей красе своей,
 С шипящими между волос змеями,
 С кровавыми в руках бичами,
 Из адских трех сестер явилася одна.
 «Несчастный!» говорит она:
 «Ты ль Провидению пеняешь?

И ты ль с Разбойником себя равняешь?
 Перед твоей ничто его вина.
 По лютоści своей и злости,
 Он вреден был,
 Пока лишь жил;
 А ты... уже твои давно истлели кости,
 А солнце разу не взойдет,
 Чтоб новых от тебя не осветило бед.
 Твоих творений яд не только не слабеет,
 Но, разливаясь, век-от-веку лютеет.
 Смотри (тут свет ему узреть она дала),
 Смотри на злые все дела
 И на несчастья, которых ты виною!
 Вон дети, стыд своих семей —
 Отчаянье отцов и матерей:
 Кем ум и сердце в них отравлены? — тобою.
 Кто, осмеяв, как детские мечты,
 Супружество, начальства, власти,
 Им причитал в вину людские все напасти
 И связи общества рвался расторгнуть? — ты.
 Не ты ли величал безверье просвещеньем?
 Не ты ль в приманчивый, в прелестный вид
 облек
 И страсти и порок?
 И вон опоена твоим ученьем,
 Там целая страна
 Полна
 Убийствами и грабежами,
 Раздорами и мятежами
 И до гибели доведена тобой!
 В ней каждой капли слез и крови — ты виной.
 И смел ты на богов хулой вооружиться?
 А сколько впредь еще родится
 От книг твоих на свете зол!
 Терпи ж; здесь по делам тебе и казни мера!»
 Сказала гневная Мегера —
 И крышкою захлопнула котел.

Крылов пишет о великих злодействах, которые могут учинить книги, Михаил Диденко же пишет «о самой низкой преступной прослойке» сочинителей романтической литературы, чья вина меньшая, чем, скажем, у маркиза де Сада, хотя, рискуя впасть в крайность, не пишет, что делает для кого-то исключение. Но даже в резких высказываниях он не принесет читателю вреда, потому, что отстаивает в человеке прежде всего право на самобытность.

Самобытность... Слово редко используемое, потому, что его не всегда можно

применить в отличие от его ходовых синонимов. А что такое самобытность? Если мы раскроем словарь, то прочтем, что это «существенное и постоянное проявление тех компонентов культурного достояния данного общества, которые оказываются функционально необходимыми на новых этапах его существования, обеспечивая его самосохранение и идентичность при всех изменениях в нормативно ценностной и смысловой сферах. Самобытность можно определить и как способность поддержания присущих данному обществу принципов социокультурной регуляции в ситуациях».

Это определение, конечно, относится к обществу, но если мы подставим вместо слова «общество» слово «человек», то обнаружим под этим определением... ключевую идею книги Михаила Диденко о том, каким должен быть человек, чтобы справиться с жизненными трудностями, порой совершенно неожиданными. Так, например, законы гошовского мира и мира «домашнего» человека прямо противоположны друг другу, и трудность противостояния одного человека примитивной психологической группе заключена в сложности моментально «переходить» через ту грань, которая отделяет разные общественные мирки с диаметрально противоположными законами поведения.

С первых страниц, хотя нет — с первых строк книги, которую открывает человек, задавшийся вопросом «как обезопасить себя от нападений на улице», он обнаруживает, что самый главный противник для него — он сам, незнание себя и страх перед «неизвестным собой» в другой ситуации.

Нельзя сказать, что книга учит берсеркскому бесстрашию, но она побуждает не бояться самого себя в экстремальной ситуации. Если бы пришлось сравнивать книжные пособия по самообороне с предметами, то многие книги, где дана только техническая подготовка с перечнем приемов, можно было бы сравнить с откатным орудием, которое трудно применить несведущему человеку, пусть даже он им и обзавелся. Книгу «Психология и практика уличной схватки» можно сравнить с... ножницами. Прежде всего, она побуждает отстригать те ниточки, за которые неотвратимо вовлекается прохожий в ситуацию, где его уличные противники будут поставлены в заранее беспроигрышное положение.

Как кратко сформулировал сам Михаил Диденко основную идею книги — «хищник не нападает на хищника», а, следовательно, человеку предстоит, прежде всего, работа над собой, чтобы избавиться от способности ощущать себя жертвой. И чтобы найти в себе этого хищника, нужно не опускаться до звериного уровня, а искать пути к своим истокам.

В документах ЮНЕСКО своеобразие определяется как «жизненное ядро культуры, тот динамический принцип, через который общество, опираясь на свое прошлое, черпая силу в своих внутренних возможностях и осваивая внешние достижения, отвечающие его потребностям, осуществляет процесс постоянного развития».

Если мы опять заменим слово «общество» на слово «человек», то и тут можно найти аналогии с «жизненным ядром» этой книги, которая призывает человека, не отказываясь от себя, опираясь на свое прошлое, двигаться дальше.

« Таким образом, в своеобразии совмещается преемственность и способность к переменам. Русский термин более полно передает оттенки этого понятия, чем его английский или французский коррелят — “идентичность”».

Русское слово... слово, порожденное русским образом мышления, которому Михаил так же уделяет внимание. Как емкие русские слова, более гибкие для определения понятий, так и принципы русского стиля рукопашной борьбы, порой противоречащие друг другу, по рассуждению

Михаила Александровича — используются по ситуации. Он проводит аналогии между русским стилем рукопашного боя и другими областями, где проявляется русский самобытный способ мышления.

Вероятно, это и есть основа основ нашего мышления — не только быть самобытным, но и защищать самобытность.

Маленькая рыжая книжечка... Всего тысяча экземпляров... А читателей у нее должно быть больше

тысячи...

Книга будет полезна начинающим автором не только содержанием, но самим примером своего существования. Так, существуя около полугода, эта книга приобрела не только ожидаемую для нее целевую аудиторию, но и нашла новую, совершенно неожиданную: книга «Психология и практика уличной схватки» создана для начинающих авторов остросюжетной литературы как долгожданное пособие по узкой теме, которой не любят касаться теоретики в белых перчатках. Можно сказать, что Михаил Диденко осветил своей книгой, как точно брошенной в темноту горящей веткой, тот закоулок подвала нашей жизни, о котором «не принято» говорить — о психологической и физической защите психологической примитивной группе. Поищите по интернету и убедитесь, что об этом почти никто не пишет. Все, что вы найдете, это кочующую по ссылкам классификацию А. В. Добровича об иерархии и законах, по которым живут психологические примитивные группы, но как им противостоять, да еще в экстремальной ситуации, вы не найдете нигде. Полагаю, никто, кроме писателей, не сможет воздать должное тому, кто привносит из жизни на страницы книги познания о том, что существует рядом с нами, но мало описано и незаслуженно проигнорировано и в научной, и в художественной литературе.

Интервью с Михаилом Диденко

— Здравствуйте, Михаил Александрович.

Расскажите о том, что вас заставило сесть за книгу, как возник замысел и отличается ли итог от того, что вы задумывали, а так же просветите наших читателей, которым было бы интересно узнать, кто вас поддерживал на нелегком пути написания книги.

— Здравствуйте. Это были одновременно вдохновение и идея, которая явилась результатом наблюдений, сопоставлений и, видимо, подсознательного размышления на тему. В один момент все сложилось в мозаику, и я решил поделиться мыслями и опытом — своими и общими. Дело в том, что я человек увлекающийся и ходил изучать разные единоборства в различных секциях, общался со многими людьми, видел многих тренеров, смотрел, как они передают знания. К тому же периодически проверял полученные знания на улице — не то, что специально нарывался, но при случае не упускал возможность проверить свой арсенал. Некоторые элементы больше не использовал, и даже не отрабатывал на тренировках, потому что видел — «не мои», а некоторые наоборот отшлифовывал, чтобы стали еще более убойными. Рукопашный бой должен быть практичным. Потому что цель занятий рукопашным боем — умение побеждать на улице.

Уличный конфликт — подлинный экзамен твоим навыкам. Ну и постепенно пришел к выводу, что, во-первых, большинство единоборцев пришли не за ударами и приемами, а за уверенностью. А ее им не дают. Потому что тренеры, как правило, тренируют бойцов для победы в спортивных поединках — и это правильно, если мы говорим о спортивном единоборстве. Но люди часто не обдумывают все это — раз единоборство, значит, там и мужеству научат, и для улицы навыки дадут. Или тренер просто не знает, как помочь ученику. Броскам научить, удары поставить — это да. А вот как не впадать в ступор, если «наехали» — тренер только плечами пожмет. Скажет: «Дерись чаще». Но как ученик будет чаще драться, если он боится драк? Замкнутый круг. Ну и второй момент, чисто технический — обычные единоборства не предназначены для внезапного нападения на улице, причем группой. В телепрограммах обычно тренеры показывают защиту от фронтального нападения — когда к тебе подошли спереди, да еще и схватили за воротник — чтоб тебе было удобнее прием провести. Смешно. Внезапное уличное нападение похоже на «снятие часового» —

думаю, все представляют, как это производится. Вот и стоит подумать, есть ли сходство с телепрограммами, и, самое главное — как справиться с такой ситуацией.

Обычно те, кто имеет уличный опыт, принимал участие в чем-то, состоял в каких-то группировках, книги не пишут. Книги обычно пишут теоретики. А я всегда интуитивно тяготел к золотой середине. И со временем просто узнавал о себе все больше — и убеждался, что шел правильной дорогой. Интуиция не ошибается. Прочел на заре юности, что древние греки считали гармоничным человека с тремя развитыми началами — физическим, моральным и интеллектуальным, и понял, что я и стремился всегда таким быть. Мне было бы неинтересно быть дохляком в очках или же тупой «торпедой».

А поддерживали два человека, за что им спасибо. Трудно не было, писательство для меня — физиологическое удовольствие. И такая же потребность, как есть, пить и дышать. Это радость творчества.

— Расскажите о том, как вы работали над книгой, какой образ жизни вели во время написания. Наших читателей будет наверняка интересовать, как вы организовывали время работы над книгой и совмещали с повседневными заботами.

— На самом деле никаких неудобств не испытывал, писал ее почти 3 года, по вдохновению. Мысль приходила, варилась, кипела потихоньку, пузырилась; потом, по мере готовности, излагал ее на электронной бумаге. Когда понял, что накопилось около 100 страниц формата А4 (знаки с пробелами я тогда еще не считал), да и осознал, что выразил все, что на тот период хотел, решил завершить книгу. Параллельно писал и другие вещи. Например, фантастическую повесть в 2,5 а.л., которую написал за 2 дня — точнее, за Купальскую ночь и следующий день — 22 июня.

— Отдельный вопрос — фотографии в книге. Не возникло ли у вас с ними трудностей?

— С фотографиями испытаний было много — ребята, с которыми договаривались, оказались несерьезными. За исключением одного. Еще один вообще упустил шанс. Поэтому выкручивались, изобретали что-то на ходу. Фотографии — единственное в книге, что могло быть лучше.

— Расскажите о том, каким был ваш путь к издательству.

— До этого у меня уже был опыт общения с издательством, которое хотело, но не издало ту повесть, о которой я говорил. Из-за небольшого объема. В наше время издаться нелегко. Много ограничений, подводных камней и течений. Тем более редакторам каждый день присылают по 30-50, а то и 100 произведений. Иногда написанных 11-летними авторами. На тот момент у меня не было достаточно литературного мастерства, чтобы увеличить объем повести до романа. Так вот, я просто стал отправлять свое произведение в издательства, которые нашел на сайте Ozon в рубрике Самозащита — посмотрел, кто издает книжки, которые там были, и через Google нашел их сайты. Звонил, интересовался. Старался быть вежливым. Я умею учиться и сделал выводы на основе проталкивания первой книги. Отправил в 10 издательств (примерно). Редактор, который ее в итоге издал, ответил быстро. Это было в июне. Но они ее долго рассматривали, и договор подписали в начале октября. Я был очень рад. Понял, что это важный день — третье октября. Издать ее хотели в декабре, потом в начале мая, но, как говорил редактор, не получалось. В итоге издали в июне 2012. Фактически заняло год. И то люди сказали, что это быстро. Вот когда я узнал, что ее издали — это был взрыв. Торжествующий рев охотника, стоящего на туше мамонта. Так что уверен, что соседи тоже запомнили тот день.

— Расскажите о том, как встречают книгу читатели?

— Минимум «неплохо» — от какого-нибудь сурового, сдержанного тренера. Хвалят, благодарят. Заходил в Московский дом книги и Библио-Глобус, продавцы сказали, что книгу хорошо «берут». Пишут читатели из разных уголков страны, рассказывают свои истории, советуются. Книга и есть «старший брат», которого у многих подростков (и не только) в России нет. Негативных отзывов не слышал.

— Вы предлагаете своим читателям для самопознания изучать историю своего рода. Скажите, а удалось ли вам найти возможность узнать историю своей семьи?

— Дед рассказывал историю рода еще когда я был маленьким ребенком. Позже, когда вырос, узнавал что-то и от других родственников старшего поколения. Предки — казаки. Есть у нас и фамильные легенды. Одну я рассказывал людям, которые не измеряют мир линейкой. Это люди разбирающиеся в боевой традиции, да и традиции вообще. Выслушали с вниманием. Но на публике я бы вряд ли стал ее рассказывать — потенциальный скепсис тут неуместен. Еще одну расскажу только своим родственникам. Знать свое родовое древо необходимо. Ведь, зная своих предков, ты узнаешь и себя, так как ты их продолжение не только по внешности, но и по характеру, а значит, во многом и судьбе. По крайней мере, ты будешь знать опасные участки дороги, и сможешь пройти их по-другому. Для меня самого предки —

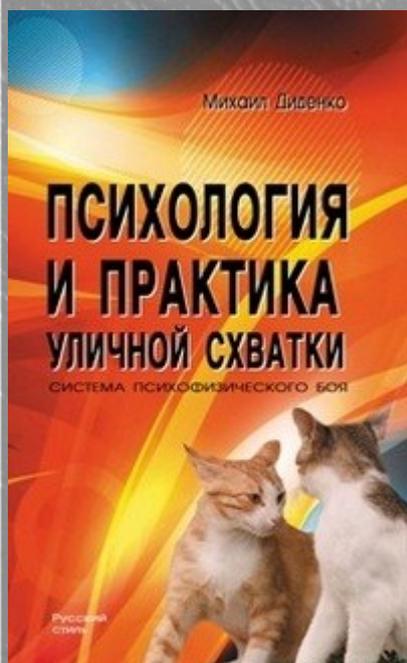
самоценны. Мне не нужно придумывать причины, чтобы найти интерес в своем роду. Мы же не ищем профит в родительской любви. Это просто есть. Я часто думал о своих предках, пытаюсь представить эту длинную цепь поколений, мужчин и женщин, их жизни, их истории. И я пытаюсь отразить в своих произведениях присущие казакам черты — пылкость, страстность во всех вопросах жизни, упрямство, суровость, жестокость, и при этом юмор и хитрость, живучесть, и главное — чрезвычайную волю. Современные люди воспринимают свою жизнь как что-то не зависящее от них: человек вроде пытается, барахтается, но выплыть не может; так и плывет по течению. А для казаков Фортуна была лошадейю норовистой, но они ее взнуздывали, объезжали и ехали по своей воле куда им было нужно. Мир для них был полигоном, а не враждебной, серой, липкой, удушающей массой, которая выше небоскребов. Они избегали любых штампов, стандартов, запретов. Поэтому каждый был «характером» — яркой личностью. Это к вопросу о самобытности. У казаков почиталась самостоятельность во всем: мышлении, внешнем виде, поступках. Кстати, был такой очень самобытный писатель-казак Борис Кундрюцков, в его произведениях присутствует настоящий донской юмор. В современном мире господствует стандартизация, всех пытаются причесать под одну гребенку. Иногда и она полезна, например, в моей системе самозащиты сначала всем дается одинаковая типовая «база», но потом каждому подбирается его личная боевая система, исходя из его психофизиологии и параметров (характер, рост, вес). То есть, даже то, как человек дерется, показывает его характер, его личность. И технические элементы человеку не внушаются — они в нем ищутся и находятся. Не что-то привнесенное, а его личное, но вынесенное на поверхность сознания.

— Мы слушали и смотрели тематические [передачи с вашим участием](#). Одна из тем касалась разговора о настоящих мужчинах. Не боитесь ли вы того, что на вас навесят ярлык знатока «поведения настоящего мужчины»?

— Если смогу дать хороший совет кому-либо, буду рад. Что касается мужского мышления и поведения, то придумывать что-либо от себя смысла не имеет, можно просто поделиться с теми, кто не знает.

— Есть у меня знакомый, чье имя я раскрывать не буду. Молодой человек, который любил на «всякий случай» носить с собой ножик для уличной обороны. Часто его на улице били и ножик отнимали. И случалось это с ним до тех пор, пока у него не «закончились» все ножики. Вопреки его опасениям, больше на него никто не нападал, хотя он ходил по тем же улицам в то же время суток. Можете ли вы как-то объяснить с высоты своего опыта, почему так случилось?

Опять же — идем от личности, уникама, без шаблонов. Что за человек, какой у него характер, какое было воспитание, где он живет? Так, навскидку можно сказать, что оружие иногда дает ложную уверенность, и человек начинает вести себя более вызывающе. В наше время много таких ребят, которые думают, что красивый и дорогой нож сделает их смелыми. Но главное — дух. Не оружие режет, а человек. Так и этот человек — внешне он, может, и стал вести себя «увереннее», точнее, ему так показалось. А для уличных «щук» он — «карась», который пытается выглядеть как «щука». Такое раздражает. Это притязание без каких-либо на то оснований. Есть

внешняя и внутренняя стороны. Человек может быть внешне спокойным, но он действительно цельный, и к нему никто не лезет. И наоборот. Это одна из причин, по которым я стал писать книгу — часто кто-то ходит в секцию (особенно в такую, где нет контактных поединков), думая, что это автоматически избавит его от комплексов, придаст ему уверенности. А потом, лет через 5 занятий, «отхватит» от тех же «гопов». Видел такие примеры собственными глазами. Бывают и другие, более волевые, которые все-таки дерутся в полный контакт — но потом на улице опять беспомощны. Бывают и третьи, которые уже дерутся на улице — но и они со временем осознают, что уверенными это их тоже не сделало. Потому что причина в другом. И то, что они считают «уверенностью» тоже на самом деле другое.

— Какие ваши дальнейшие творческие планы? (Учитываю, что вы пожелаете уйти от этого ответа, но оставить «интригу»)

— Не люблю говорить заранее. Написал роман Крестик — фантастика, но о нашей стране и нашем времени. Герой — молодой парень Саша, который как раз испытывает всякие трудности на улице и с девушками. Так что

можно сказать, что отчасти это художественное изложение правил и основ боя и психологической подготовки. Причем, уже научившись оседлывать вдохновение, написал это произведение за 1,5 месяца. Также появилась возможность сотрудничества с глянцевыми журналами — этому явно способствовал успех моей книги.

Книгу можно приобрести по следующим адресам:

Магазин [«Озон»](#), магазин [«Лабиринт»](#), магазин [«Читайка»](#), [Janzen](#), [«Букшоп»](#), [«Мой мир»](#)

Интервью

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://buk-journal.ru/forum/>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/

